

TSSR MIK PREZIDIUMYNŇ JANYNDAKŇ
TÄZE ELIPBI VE DIL GURŇLBŞYGB MERKEZI KOMITETI
TURKMENISTAN DÖVLET DİL VE EDEBIJAT INSTITUTŇ

PROF. A. P. POTSELUJEVSKIJ

TURKMEN DILININ ŞIVELERI

TURKMENISTAN DÖVLET NEŞRIJATŇ
AŞGABAT — 1936

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА и
ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА при ПРЕЗИДИУМЕ ЦИК-а ТССР.
ТУРКМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА и ЛИТЕРАТУРЫ.

ПРОФ. А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ

9 $\frac{233}{182}$

ДИАЛЕКТЫ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

ТУРКМЕНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АШХАБАД — 1936

120

DIALECTES DE LA LANGUE TURCOMANE

PAR A. P. POTSELOUIÉVSKY, PROFESSEUR
à L'INSTITUT PÉDAGOGIQUE TURCOMAN.

36-90900

2024611338

АШКХАБАД — 1936.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА и ЦКНА

При издании настоящего труда проф. Поцелуевского, Издательство и ЦКНА Туркмении руководствовались теми же соображениями, что и при издании другой его работы — „Фонетика туркменского языка“, а именно:

Издательство и ЦКНА Туркмении, издавая эту работу, особое значение придавали тому обстоятельству, что она является одновременно и первой попыткой анализа туркменской речи в свете нового учения о языке, творцом которого является академик Марр.

В этом разрезе делается попытка трактовки основных тенденций развития форм словообразования и словоизменения, совершенно отличающейся от трактовки старой индо-европейской лингвистической школы.

Издательство и ЦКНА Туркмении учитывали, что первые попытки анализа этих тенденций на основе нового учения о языке могут носить в себе те или иные недостатки, тем не менее, придавая большое значение новому учению о языке, которое по своим установкам близко подходит к методологии марксизма-ленинизма, Издательство и ЦКНА издают этот труд проф. Поцелуевского, имея в виду, что он сумеет помочь в работе по языковому строительству Туркмении и поможет наметить плодотворные перспективы.

О Т А В Т О Р А

Настоящая книга составлена на основании материалов, собранных мною во время экспедиций ГУС'а, Туркменкульта и ТГНИИ в период времени с 1927 по 1932 год. Издание ее в свет вызвано потребностью дать фактический материал по диалектам туркменского языка, необходимый для работ предстоящего в мае месяце 1936 года 1-го туркменского лингвистического съезда. Вследствие краткости сроков и, следовательно, крайней спешности самой работы, пришлось ограничиться изложением наиболее существенных диалектальных взаимоотношений, имеющих непосредственное значение для правильного разрешения кардинальных вопросов существующей туркменской орфографии. Полное описание морфологических особенностей туркменских диалектов (с включением таких совершенно опущенных здесь разделов, как местоимения, числительные и служебные слова) будет дано впоследствии, в начатой уже составлением „Научной грамматике туркменского языка“.

Ввиду отсутствия в Ашхабадской типографии специальных шрифтов, пришлось, как и в ранее изданной „Фонетике туркменского языка“, прибегнуть к следующим условным обозначениям звуков, не регистрируемых существующим алфавитом туркменского литературного языка:

- в — смычное звонкое губно-губное „б“;
- ѵ — фрикативное звонкое губно-губное „б“;
- g — смычное средненебное звонкое „г“;
- g — фрикативное средненебное звонкое „г“;
- q — фрикативное задненебное звонкое „г“;
- i — звук „и“ переднесреднего ряда (верхнего под'ема);
- ь — то-же (верхнесреднего под'ема);
- ŋ — средненебное слитное „нг“ (в отличие от задненебного „п“);
- ө — губное „ө“ переднего ряда и среднего под'ема;
- ø — губное „ө“ среднего ряда и среднего под'ема;
- р — смычное глухое губно-губное „п“;

- p — фрикативное глухое губно-губное „п“;
 q — глухое смычное задненебное „к“;
 q — звонкое смычное задненебное „г“;
 s — междузубное „с“;
 s — обычное зубное „с“;
 v — губно-губное („английское“) „в“;
 v — зубно-губное („русское“) „в“;
 x — задненебное глухое „х“;
 x — средненебное глухое „х“;
 y — губное „у“ переднего ряда и среднего под'ема;
 y — губное „у“ среднего ряда и среднего под'ема;
 z — междузубное „з“;
 z — обыкновенное зубное „з“.

Долгота звуков (как гласных, так и согласных) везде отмечена двоеточием; редуцированные-же сверхкраткие звуки, к сожалению, по причинам технического характера остались необозначенными в тексте книги.

А. П.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Туркменский язык относится к системе тюркских (или тюрко-татарских) языков. Он входит в состав юго-западной (по классификации акад. А. Н. Самойловича) группы этих языков, объединяющей, помимо туркменского, языки: анатолийско-турецкий (называвшийся раньше османским или османо-турецким), азербайджанский, южно-бережно-крымский и гагаузский*). Эта же самая группа тюркских языков в классификации акад. В. Радлова называется южной, а у акад. Ф. Е. Корша — западной.

Главными отличительными признаками упомянутой группы, по мнению акад. А. Н. Самойловича, являются: наличие глагольной основы „ол“ (вместо „бол“) и выпадение „г“ после согласных („калан“ вместо „калган“). В отношении последнего из этих признаков, а также целого ряда других менее важных [присутствие „йоты“ в словах типа „айак“ — нога, наличие задненебного „г“ в слове „даг“ — гора, отсутствие конечного „г“ в словах типа „сары“ (вместо „сарыг“) — желтый, „атлы“ (вместо „атлыг“) — конный и т. д.] туркменский язык, действительно, может быть причислен к языкам юго-западной группы. Что же касается признака „ол“ || „бол“, то в этом отношении туркменский язык резко уклоняется от прочих представителей указанной группы, так как повсеместно в Туркмении (за исключением некоторых пограничных с Ираном аулов) слышится основа „бол“, но не „ол“. Существует кроме того целый ряд других особенностей (главным образом, фонетических), еще более подчеркивающих независимое своеобразие туркменской речи; наиболее важными из них являются: чрезвычайно четкая дифференцированность гласных фонем по долготе и краткости их произношения, присутствие (как и в башкирском языке) междузубных звуков (при полном отсутствии в языке широких масс обыкновенных зубных, встречающихся как исключение лишь в нескольких незначительных говорах), наличие (наряду с обычными

*) А. Н. Самойлович: „Некоторые дополнения к классификации турецких языков“. Петроград, 1922.

взрывными) фрикативных „р“ и „в“, частое озвончение начального смычного задненебного „q“, отсутствие зубно-губных „f“ и „v“ (заменяемых акустически близкими к ним губно-губными звуками) и пр. Если добавить к этому, что и в отношении некоторых грамматических форм (в особенности, настоящего времени глагола) ряд туркменских диалектов имеет немало особенностей, тесно сближающих их с языками других групп (особенно, юго-восточной группы) тюркской системы, то придется признать, что отнесение туркменского языка всецело к юго-западной группе в значительной мере условно. Впрочем, поскольку вообще ныне принятое деление тюркских языков на группы основывается лишь на внешних, формально учитываемых признаках, то поэтому с точки зрения нового учения о языке, как это разъясняет акад. Н. Я. Марр в статье: „Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков“ („Под знаменем марксизма“ № 6, М. 1922), оно не может быть признано вполне удовлетворительным и сохраняется в науке временно, до появления более удачной системы классификации.

Туркменский язык (подобно остальным представителям тюркской системы) рассматривается в туркологии как язык строго-агглютинативного типа. Это положение вполне справедливо по отношению лишь к туркменскому литературному языку в его современной форме, но что касается разговорных диалектов туркменского языка, то в них, как мы увидим ниже, агглютинативный тип речи осложняется многочисленными случаями ассимиляции и выпадения звуков, ведущими, в конечном счете, к явлениям фузии, т.е. тесной фонетической спаянности формальных элементов с основой слова. Одним из результатов упомянутых фонетических сдвигов является изменение грамматических показателей в разговорном туркменском языке и слияние нескольких грамматических показателей в один общий неразложимый показатель, т.е. переход языка от строго-агглютинативных форм речи к фузионным и, в результате дальнейшего прогресса последних, приближение его к флективным формам.

Языки тюркской системы чрезвычайно сходны и близки друг к другу в очень многих отношениях. Туркменский язык не составляет в данном случае исключения. Старая туркология, слепо следовавшая в методологическом отношении индо-европейскому сравнительному языкознанию, пыталась объяснить эту близость якобы „взаимородственностью“ тюркских языков,

т.е. их предполагаемым происхождением от одного общего предка, так называемого „праязыка“. Научная несостоятельность и политическая вредность учения о праязыке, используемого в своих целях как западно-европейскими империалистами, расистами, колонизаторами и шовинистами, так и местными националистами и пантюркистами, прекрасно освещена в работах акад. Н. Я. Марра, акад. И. И. Мещанинова и их учеников. Акад. Н. Я. Марр говорит, что „лингвистически близкие соотношения турецких наречий между собой“ могут говорить лишь о громадности общественной работы и отражающего ее динамического языкотворческого процесса, пройденного турецкими языками ранее достижения ими современного их состояния. Следовательно, и несомненная близость туркменского языка к другим тюркским языкам должна рассматриваться в том же плане.

Новое учение о языке отвергает старое представление о языках как о чем-то монолитно-целом и внеклассово-национальном. Акад. Н. Я. Марр в своей работе: „О происхождении языка“ говорит, что „подход к тому или иному языку так называемой национальной культуры, как массовой родной речи всего населения, ненаучен и ирреален, национальный язык внесловный, внеклассовый пока есть фикция“. Подходя с этой точки зрения к туркменскому языку, мы должны четко отличать бесписьменный разговорный язык трудящейся массы (в основном, дехканства), сохранившийся до наших дней в виде территориальных диалектов, так называемых *şiveler* от письменного языка феодально-родовой и отчасти байской верхушки, представленный, главным образом, произведениями старых поэтов. Развивающийся после октябрьской революции современный нам литературный язык туркменского пролетариата и колхозников, в отличие от обоих вышеназванных языков, является единым национальным языком всего туркменского народа. Начав оформляться в рамках норм старописьменного языка, он в дальнейшем развивался и развивается, с одной стороны, по линии обогащения его международной и советской терминологией, с другой, по линии все большего приближения к разговорной речи трудящихся масс Туркмении. Целью данной книги является исключительно изложение особенностей туркменских территориальных диалектов, но поскольку разговорная речь трудящихся масс рассматривается нами как один из важнейших источников развития и обогащения литературного языка, постольку

и формы разговорной речи будут в процессе описания систематически нами сопоставляться с ныне принятыми формами литературного языка.

II. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ*)

Научное изучение туркменского языка началось очень поздно (с середины прошлого века). В значительной степени это объясняется, конечно, тем обстоятельством, что вплоть до конца XIX столетия все пространство нынешней Туркмении являлось почти недоступным для исследователя, так как путешествия по большей части Средней Азии были в то время сопряжены с риском для жизни и свободы ученого (вспомним хотя-бы путешествие по Средней Азии, предпринятое в 1868 г. членом Венгерской Академии Г. Вамбери). Тем больший интерес должны были бы привлекать к себе высказывания о туркменских диалектах, разбросанные в трудах отдельных восточных филологов. Акад. А. Н. Самойлович в XVII томе „Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества“ упоминает, напр., три следующих труда: 1) филологическое сочинение неизвестного араба, изданное П. М. Мелиоранским—„Араб филолог о турецком языке“ (СПБ, 1900); 2) хранящуюся в Британском Музее рукопись чагатайской грамматики (на персидском языке), заключающую в себе также указания форм кашгарских, туркменских и ногайских (см. турецкий каталог Rieu, стр. 2) и 3) сочинения умершего в 713 году хиджры турка—филолога из рода салгур (صلغر), по имени محمد بن مصطفى بن زكريا بن خوجا بن فخر الدين التركي происходившего из румынского города دورکی или دورك. К сожалению, подобные высказывания, насколько нам известно, до сих пор не учтены даже полностью, не говоря уже о надлежащем использовании в науке представляемых ими данных.

Из европейских ученых впервые обратил внимание на туркменский язык проф. И. Н. Березин, имевший возможность во время своей трехлетней научной поездки по Востоку

*) Библиографические указатели литературы по туркменскому языку можно найти в рецензии акад. А. Н. Самойловича на „Учебник туркменского языка“ Агабекова (ЗВО, т. XVII) и в книге акад. А. Е. Крымского „Тюрки, їх мови та літератури“ (I, Тюркськи мови, вып. II, Киев, 1930).

ознакомиться с диалектом иранских туркмен Астрабадской провинции. Результаты его наблюдений над туркменским языком изложены им в следующих трудах: 1) „Годичный отчет путешествующего по Востоку“ (Журнал Министерства Народного Просвещения за 1845 г.) и 2) „Recherches sur les dialectes musulmans“ I, Système des dialectes turcs (Казань, 1848). Кроме того, мы находим образцы (сомнительные) туркменских текстов во II-м томе его „Турецкой хрестоматии“. Сохраняя значение первого опыта научного исследования туркменского языка, работы Березина страдают вместе с тем рядом крупных недостатков, в значительной мере обесценивающих его труды. Критики (Шифнер, Ильминский, А. Н. Самойлович) вменяют Березину, главным образом, в вину: полное отсутствие специальной лингвистической подготовки, недостаточную восприимчивость к фонетическим особенностям изучаемых языков, не всегда серьезное отношение к объектам исследования, применение арабского алфавита вместо фонетической транскрипции, поспешность в обобщениях и недостаточно критическое отношение к собираемым материалам.

Следующим из туркологов обратил внимание на туркменский язык Н. Ильминский, изложивший свои (ценные, по свидетельству акад. А. Н. Самойловича) наблюдения над наречиями йомудов и эсен-или в письме к акад. А. Шифнеру: „Ueber die Sprache der Turkmenen“. Aus einem Briefe des Herrn Ilminsky an A. Schiefner, Orenburg, den 29 December, 1859 (См. в Mélanges Asiatiques, т. IV, стр. 63—74, либо в Bulletin Академии Наук, СПБ, 1860. т. I, стр. 563—571).

Работа известного путешественника — ориенталиста Г. Вамбери: „Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdumkuli's“, помещенная в 33-ем томе издания „Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft“ (стр. 388—444), а также его известный труд: „Cagataische Sprachstudien“, Leipzig, 1867), дают нам, как удостоверяет акад. А. Н. Самойлович, лишь ряд „маленьких и ненадежных заметок скорее о письменном языке туркменов“. Акад. А. Е. Крымский*) считает даже, что первая из указанных работ Г. Вамбери может быть рассматриваема только как материал для изучения туркменской литературы, но никак не туркменского языка.

*) Акад. А. Е. Крымский: „Тюрки, їх мови та літератури“, I, Тюркськи мови, вып. II, Киев, 1930, стр. 146.

С подчинением Закаспия русскому империализму начинают выходить в свет пособия практического характера, имевшие целью удовлетворить потребность агентов царизма в орудии сношения с местным населением, совершенно не знавшим русского языка. Общий уклон этих работ откровенно-великодержавнический с попутной идеализацией русской колонизаторской власти. К работам этого типа относится, в первую очередь, литографированное „Руководство для обучения туркмен русскому языку“, составленное сотником Драновским, поручиком Маргания и подпоручиком Плиевым (Асхабад, 1893), позднее повторно изданное типографским путем. Вопреки своему названию, эта книга являлась в равной мере и пособием для изучения русскими туркменского языка, так как состоит из параллельно приводимых русских и соответствующих им туркменских слов и текстов. В 1899 г. вышло в свет составленное подполковником П. Шимкевичем „Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области“ (с приложением кратких русско-туркменского и туркмено-русского словарей), VI + 198 + 83*). В 1904 г. был издан „Учебник туркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок туркмен Закаспийской области“, составленный Агабековым, IV + 100 + 25. Затем появились: в 1913 г. — „Русско-туркменский словарь“ И. А. Беляева, VII + 176 + IV и в 1915 г. — его же „Грамматика туркменского языка“ (ахалтекинское наречие), 11 + 125.

Работа Драновского и К-о имеет, главным образом, только исторический интерес, так как авторы ее ограничиваются одним дословным переводом русских фраз на туркменский язык и обратно, совершенно не пытаясь дать хотя-бы краткого определения фонетико-морфологических особенностей русского либо туркменского языков. Кроме того, стиль туркменской части книги, являющейся в большинстве мест почти буквальным переводом с русского, грешит недопустимыми отклонениями от правил туркменского синтаксиса и словоупотребления. Основные недостатки работ П. Шимкевича и Агабекова указаны акад. А. Н. Самойловичем в его рецензии на учебник последнего (см. ЗВО, т. XVII) и сводятся к следующему: „отступление без ясных оговорок от живой речи в сторону искус-

*) П. Шимкевич в своей книге ориентируется, в основном, на диалект йомудов.

венных грамматических схем, во многом общих у туркменских наречий с другими южно-турецкими, напр., османским, азербиджанским; слишком поверхностное отношение к турецкой фонетике; непоследовательность в транскрипции; неточная формулировка и недосказанность грамматических правил“. Эти замечания могут быть в значительной мере отнесены и к трудам И. А. Беляева. Большим плюсом грамматики последнего является лишь то, что он сознательно ограничивается при изложении особенностей туркменской речи рамками одного ахалтекинского диалекта в то время, как у авторов прочих упомянутых выше практических руководств мы находим некритическое сваливание в одну кучу особенностей всех, бывших им известными, туркменских говоров.

Касаясь рассматриваемого периода (с 1881 г. до Октябрьской революции), мы можем признать научное значение, главным образом, только за работами акад. А. Н. Самойловича, во время своих трех первых путешествий в Среднюю Азию (1902, 1906—1907 и 1908 гг.) имевшего возможность близко ознакомиться с целым рядом туркменских диалектов и собрать богатые материалы по старой туркменской литературе и фольклору. Туркменоведческие работы А. Н. Самойловича помещались преимущественно в специальных изданиях: „Записках Восточного Отделения Русского Археологического Общества“ (начиная с 1904 г.), „Живой Старине“, „Записках Русского Географического Общества“ и т. п. К сожалению, образцы туркменского фольклора приводятся в трудах акад. А. Н. Самойловича большей частью в переводе на русский язык, а не в подлиннике, и потому далеко не всегда могут быть использованы в целях лингвистических. Но что касается старого туркменского письменного языка XVIII и XIX столетий, то для его исследователей работы акад. А. Н. Самойловича являются надежным, критически проверенным и притом почти единственным источником. Сюда, в первую очередь, относится его общеизвестный монументальный труд „Абду-с-Саттар-Казы—Книга рассказов о битвах текинцев“ (СПб, 1914), XXII + 157 + 82 + 56. Затем необходимо отметить, как ценнейшие пособия для исследователей языка старых туркменских поэтов, следующие статьи и материалы:

- „Стихи Доулет-Мамеда-Моллы“ (Зап. Вост. Отд., т. XXII),
- „Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе“,

1 краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича (ЗВО, т. XIX).

— „Указатель к песням Махтум-Кули“ (ЗВО, т. XIX).

— „Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе“, II, третье дополнение к указателю песен Махтум-Кули (ЗВО, т. XXII) и др.

Большой заслугой акад. А. Н. Самойловича является предпринятое им в 1912 г. исследование языка и быта ставропольских туркмен; отчет об этой поездке под названием: „Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар“ помещен в „Известиях Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии“ (Серия II, номер 2, СПб, 1913). Более подробные сведения о наречии ставропольских туркмен можно найти в его статье: „Наречия ногайцев и туркмен Ставропольской губернии“ (ЗВО, т. XXI). Основные же материалы по этому диалекту остаются, к сожалению, до сих пор не опубликованными.

Из предшественников акад. А. Н. Самойловича по изучению диалекта ставропольских туркмен можно назвать одного только А. Володина, опубликовавшего в „Собрании материалов для описания местностей и племен Кавказа“ (т. XXXVIII, Тифлис, 1908) образцы фольклора („Из туркменской народной поэзии“), а также давшего краткое сообщение о языке ставропольских туркмен („Трухменская степь и трухмены“, стр. 31—32).

Из крупных лингвистов, интересовавшихся помимо акад. Самойловича в рассматриваемый нами период времени туркменским языком, можно указать еще акад. Ф. Е. Корша; на страницах своей статьи: „Происхождение формы настоящего времени в западно-турецких языках“ („Древности восточные“, т. III, вып. 1, М. 1907), приводя глагольные формы целого ряда турецких языков, он уделил изрядное место также и туркменским формам. К сожалению, Ф. Е. Корш собирал, очевидно, сведения о туркменских говорах не лично, а через посредство третьих лиц, вследствие чего в его статье есть ряд ошибочных утверждений, вроде приписывания салырам формы настоящего времени на „joŋ“, на самом деле присущей диалекту эрсаринцев.

В период Октябрьской революции и последовавшей за нею гражданской войны (вплоть до нацразмежевания народов Средней Азии) никакой научной работы в области туркменского языка, насколько нам известно, не велось. Создание самостоя-

тельной Туркменской ССР и, в особенности, переход на новый алфавит послужили могучим толчком для развертывания научно-исследовательской работы по туркменскому языку и его диалектам. Эта работа велась первоначально (с 1926 г.) в секторе национальной культуры Государственного Ученого Совета (ГУС'а) Наркомпроса ТССР, а с 1928 г.—в секции языка и литературы Института Туркменской Культуры (Туркменкульта), реорганизованного в 1932-м году в Туркменский Государственный Научно-Исследовательский Институт (ТГНИИ), в то время как Центральный Комитет Н. Т. А. при ЦИК'е ТССР являлся органом, руководившим практикой латинизации как в самом Ашхабаде, так и в районах.

Одной из первоочередных задач молодых научных организаций Туркмении явился сбор материалов, характеризующих особенности отдельных, наиболее крупных туркменских диалектов. С этой целью был проведен ряд этнолого-лингвистических экспедиций, а именно:

— в 1927 году — к йомудам и гокленам (в Красноводский, Гасан-Кулийский и Кара-Калинский районы);

— в 1928 г.—в аул Маныш, к племени анаули (потомкам населения находящегося ныне в развалинах города Анау);

— в 1929 г.—к эрсаринцам (в бывшие Чарджуйский и Керкинский округа, по левому берегу Аму-Дарьи);

— в 1930 г.—две экспедиции: к мервским теке, сарыкам и салырам (в районы: Мервский, Иолотанский, Тахта-Базарский и Серахский);

— зимою 1930 - 1931 года — в аул Нохур, к племени нохурли;

— в 1931 году — к гокленам в Кара-Калинский район (в долины рек Сумбара и Чандыря);

— в 1932 году была совершена поездка в Байрам-Али с целью изучения основных тенденций роста языка трудящихся масс ТССР.

И, наконец, в 1935 — 1936 годах (XI—I) Всесоюзным Центральным Комитетом Нового Алфавита совместно с Туркменским ЦК НА была проведена большая экспедиция с целью всестороннего обследования разговорной речи туркменского пролетариата и передовой части колхозников. Стационарный отряд экспедиции, руководимый научным сотрудником ВЦКНА тов. М. Богдановой, обследовал крупнейшие промышленные предприятия гор. Ашхабада, в то время как полевой отряд под

руководством проф. С. Е. Малова проводил аналогичную работу в наиболее мощных в экономическом отношении передовых районах СССР.

К работе последней экспедиции было привлечено большинство наличных языковедных сил Туркмении (Байлиев и Дерьяев из пединститута, Сопиев из Туркменгосиздата, Абаев и Таимов из КомВУЗ'а), а также студенты и аспиранты факультета языка и литературы педвуза. Особо следует отметить аспирантов по разделу туркменского языка Косаева, Дурдымурадова и Ходжамкулиева, успешно работавших в полевом отряде экспедиции.

Полное отсутствие проверенных данных о физиологической стороне произношения в туркменском языке вызвало необходимость использования методов экспериментальной фонетики. С этой целью был организован фонетический кабинет, оборудованный соответствующей аппаратурой. Из работ, проведенных кабинетом, следует отметить исследование методом искусственного неба условий артикуляции звуков туркменской речи (получены палатограммы для всех основных разновидностей существующих звуков). Кабинетом был со всей возможной полнотой научно определен фонетический состав туркменского языка и его диалектов (результаты этих изысканий изложены в работе А. П. Поцелуевского: „Фонетика туркменского языка“, Ашхабад, 1936).

Одновременно с этим, кабинетом было положено начало созданию при ТГНИИ архива фонограмм или фонетики, для чего во время экспедиции 1931 г. было произведено около 180 фонозаписей образцов фольклора, разговорной речи, музыкальных пьес и т. п.

Работа Туркменкульта в области изучения и оформления морфологии и синтаксиса современного туркменского литературного языка нашла себе отражение в „Грамматике туркменского языка“ (Türkmen diliniň grammatikasy) М. Гельдиева и Алпарова (издание Туркменгиза, Ашхабад, 1929, IX+257+3 стр.) и в „Руководстве для изучения туркменского языка“ А. П. Поцелуевского (издание Туркменгиза, Ашхабад, 1929, 379 стр.) *)

*) См. рецензии проф. Пражского университета (Чехо-Словакия) J. Rypka, в Archiv Orientalni, Vol. V, 2, 1930 и G.—R. Rachmati (Берлин) в журнале „Orientalistische Literaturzeitung“, № 3, 1931. Политическая оценка указанных работ дана секретарем ЦК КП(б)Т тов. Попок в его докладе на VIII Ашхабад. гор. парт. конференции (см. № 9—2092 „Туркменской Искры“ за 1932 г.).

Туркменкульта велся сбор материалов по народной производственной терминологии (собраны термины кузнечного, деревообделочного, коврового и вышивочного кустарных производств), собирались народные названия растений и животных.

Что же касается лексикологических работ в широком смысле этого слова, то Туркменкульта было начато составление академического словаря туркменского языка и его диалектов (под общей редакцией акад. А. Н. Самойловича); с этой целью велся сбор необходимых материалов: собрано в общей сложности до 10.000 отдельных слов. К сожалению, работа была вскоре прекращена по вине К. А. Бориева и М. Гельдиева. Из подручных (практических) словарей можно отметить неудовлетворительный во многих отношениях русско-туркменский словарь Алиева и Бориева *). Кроме того Центральным Статистическим Управлением (ЦСУ) был стенографически издан в узковедомственных целях составленный А. А. Молчановым „Краткий русско-туркменский словарь применительно к нуждам государственной статистики“ (Ашхабад-Полторацк, 1926, 110 стр.).

Одновременно с Туркменкульта (ТГНИИ) языковедную работу (начиная с 1931 г.) вел также и Туркменский Высший Педагогический Институт (ТВПИ). Доценты пединститута Х. Байлиев и Х. Дерьяев, выполняя задания Наркомпроса и Госиздата ТССР, принимали активное участие в составлении учебных пособий по туркменскому языку (главным образом, для средней школы). Из числа составленных ими работ можно отметить следующие:

— Х. М. Байлиев и Х. Дерьяев: „Jevropalyar usin tyrkmen diliniň iş kitaby“ (Рабочая книга по туркменскому языку для европейцев), ч. 1, Ашхабад, 1932, 160 стр.;

— К. Сопиев и Х. М. Байлиев: „Gramatika. Birinçi welim. Morfologija (sarı)—Грамматика, часть 1-я, Морфология. Ашхабад, 1934, 116 стр.;

— Х. Дерьяев: „Gramatika (nahuv)—Грамматика (синтаксис). Ашхабад, 1934, 66 стр.

— Х. М. Байлиев и М. Я. Исхаков: „Orslar usin tyrkmen dilini öwreniş kitaby“ (Учебник туркменского языка для русских), Ашхабад, 1935, 156 стр. и ряд других.

*) А. Alijev ve K. Beerijif: „Orýsca-tyrkmençe söziik“, Aşgabaat, 1929, 452 стр. См. рецензию Т. Грунина в № 10—11 журнала „Східний Світ“, Харьков, 1930 г. и отзыв проф. J. Rypka в „Archiv Orientalni“, Vol. II, № 2, 1930.

В порядке частной инициативы была составлена в Ташкенте А. Ш. Карахановым и опубликована Средне-Азиатским отделением ОГИЗ'а „Грамматика туркменского языка“ ч. 1, морфология (М.—Т. 1931), 99 стр.*)

Помимо местных организаций, в исследовании туркменского языка принимала участие и Академия Наук СССР, командировавшая в 1927 г. академика (тогда еще профессора) А. Н. Самойловича в Туркмению. А. Н. Самойлович собрал в эту свою поездку ряд ценных материалов (в том числе диалектальных — по говорам салыров, мервских теке и сарыков), ждущих еще пока своего опубликования (краткий отчет об экспедиции помещен акад. А. Н. Самойловичем в № 2 журнала „Туркменоведение“ за 1927 г.). Последний приезд акад. А. Н. Самойловича в ТССР (в 1930 г.) был вызван приглашением ЦК НТА принять участие в трудах первой туркменской научной языковой конференции. В том же 1930 году к этнолого-лингвистической экспедиции Туркменкульта должен был быть прикомандирован особый отряд Академии Наук во главе с проф. Н. К. Дмитриевым. К сожалению, расстроенное здоровье помешало профессору Н. К. Дмитриеву принять участие в полевой работе, и экспедиция была проведена его ассистентами — О. И. Шацкой и Н. Ф. Лебедевым, получившими возможность довольно подробно ознакомиться с языком и фольклором мервских теке. Часть собранных во время экспедиции материалов уже обработана О. И. Шацкой и опубликована в выпуске 1-ом издания Академии Наук СССР „Советский фольклор“ (Л. 1934, стр. 131—156): „Мотивы женской доли в туркменской лирике“. В этом же издании напечатаны фонетически-транскрибированные туркменские диалектальные тексты в записи А. П. Поцелуевского (стр. 109—130)**).

Сам проф. Н. К. Дмитриев, помимо изучения туркменского языка по письменным источникам, производил также длительные и систематические наблюдения над разговорной речью

*) В 1926 году была составлена в Ташкенте проф. Е. Поливановым 1-я часть „Грамматики туркменского языка“, оставшаяся неизданной.

**) Фонетически транскрибированные туркменские тексты можно найти также в книге В. М. Беляева и В. А. Успенского: „Туркменская музыка“, т. 1, М. 1928 г. и в работе А. П. Поцелуевского: „Стихотворный ритм голленских народных песен“ (Ашхабад, 1928).

своих учеников-туркменов, слушателей Ленинградского Восточного Института, и результаты этих наблюдений использовал в целом ряде таких своих работ, как, например:

„Th in the modern Turkish languages“ („Le monde oriental“, XXIII, 1929);

„Skizze der südtürkischen Mimologie“ (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, XXXVI Band, 1 и 2. Heft, стр. 40—47);

„Турецкие элементы в русских арго“ (отдельный оттиск из трудов Научно-Исследовательского Института Речевой Культуры) и др.

Разрозненные наблюдения над особенностями артикуляции отдельных звуков туркменского языка можно найти и в курсе общего языкознания для востоковедных ВУЗ'ов проф. Е. Поливанова. (Е. Д. Поливанов: „Введение в языкознание для востоковедных ВУЗов“, Л. 1928).

III. ТУРКМЕНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОШЛЫМ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА.

Современный туркменский литературный язык является всецело созданием Октябрьской революции. До нее единого туркменского языка не существовало. Даже письменный язык феодально-родовой и байской верхушки, в значительной степени унифицированный влиянием арабо-иранской и чагатайской языковой стихии, все-же был лишен полного единства, неся на себе следы дробления на племенные диалекты. Что же касается разговорной речи трудящихся масс, то она была и в значительной степени продолжает оставаться до сих пор разобщенной на ряд диалектов, очень тесно связанных с племенными и родовыми делениями туркменов.

Связь эта настолько реальна и последовательна, что без всякого преувеличения можно утверждать, что у каждого туркменского племени имеется свой особый диалект, в той или иной мере отличный от других племенных диалектов, а у каждой родовой группы есть свой говор, опять-таки рядом характерных черт отличающийся от подобных ему говорам остальных родовых групп данного племени. Таким образом, диалекты туркменского языка представляют собой, несомненно, наследие или пережиток родовой формации.

То обстоятельство, что туркменские племенные диалекты сохранились в относительной неприкосновенности вплоть до нашего времени, является, конечно, результатом целого комплекса социально-экономических условий прошлой жизни туркменского народа.

До нацразмежевания 1924 года Туркмении как самостоятельного государственного образования никогда не существовало, а до прихода в край русских, т.е. вплоть до восьмидесятых годов прошлого столетия, большинство туркменов вообще не было подчинено какой-либо централизованной государственной власти, так как почти вся территория современной ТССР являлась местом кочевков туркменской вольницы, жившей в значительной мере патриархально-родовым укладом жизни, с огромным преобладанием кочевого скотоводства над земледелием. Лишь окраинные туркменские племена подчинялись (и то нередко лишь номинально) соседним государствам: Хиве (или Хорезму), Бухаре, Ирану и Афганистану. Низкий уровень хозяйства при недостаточности водных источников и необеспеченности постоянной кормовой базой в условиях пустынной или полупустынной степи являлись постоянным стимулом к поискам все новых и новых кочевых территорий и приводили к непрекращавшимся столкновениям отдельных племен между собой, не говоря уже о бывших вполне обычными для того времени аламанах или военных набегах на Иран и о хронически повторявшихся столкновениях с соседними тюркскими народностями (в особенности, казаками и узбеками).

Ко всему этому следует добавить еще ряд исторических свидетельств, на основании которых мы можем утверждать, что большинство туркменских племен на протяжении столетий оставалось на ступени натурального или полунатурального хозяйства. Товарно-денежный обмен подчас или вовсе отсутствовал, или был очень ограничен. Экономические взаимоотношения отдельных племен между собой и с соседними народами носили поэтому во многих случаях характер натурального обмена. Так, напр., в рассказе о путешествии агента Московско-Лондонской торговой кампании Дженкинсона, совершенном им в 1558 году, говорится, что на Мангишлаке при торговых сношениях с туркменами „за верблюда платили три русских кожи и 4 деревянных посудыны. Денег туркмены не принимают и не употребляют“. — „В Ургенче земледелия жители совсем не знают и не едят хлеба. Меновая торговля идет

не посредством денег, а посредством скота“. Посетивший Среднюю Азию столетием позже (в 1669 году) купец Иван Федоров пишет, что „бухарцы с товары в Хиву и в Юргенчъ приезжают мало; индейцы и балхинцы не приезжают и складов юргенцы с индейцы в торгах не имеют, и верблюжьей шерстью не торгуют и российского государства торговым людям от тех товаров большие прибыли и пожитков не чаять“... „Земля-де юргенская не велика, и хлебом и всем скудна“... „а деньги делают медные; а и теми деньгами торгуют только меж себя“.

Тенденция к переходу от кочевого быта к оседанию на землю, этому необходимейшему условию дальнейшего хозяйственного и общественного роста и предпосылке для объединения разрозненных племен в единый народ, приобрела несомненно-крупное значение лишь в XVIII и, особенно, XIX столетиях. Но действие этого фактора ослаблялось, с одной стороны, немногочисленностью мест, пригодных по природным условиям (наличие водных ресурсов) для немедленного хозяйственного освоения, с другой стороны, традиции кочевого быта изживались весьма медленно, вследствие чего многие племена, оседая на землю, продолжали вести полукочевой образ жизни. Ко всему этому следует добавить еще и то, что, поскольку оседание на землю было тесно связано с необходимостью производить весьма трудоемкие ирригационные работы, непосильные для отдельных семей, само оседание способствовало известной консервации уже сложившихся племенных и родовых коллективов, сообща строивших арычную сеть своего племени или рода. Ирригационная сеть оседлых районов Туркмении может служить прекрасной иллюстрацией сказанного выше, так как вплоть до земельноводной реформы, осуществленной советской властью, каждый арык являлся обычно исключительной собственностью того или иного племени, рода или колена, в связи с чем сам рисунок арычной сети напоминал в значительной мере родословное древо, в котором каждой племенной или родовой группе соответствует отдельная ветвь (или, в данном случае, — отдельный арык).

Возникновение и укрепление в туркменской среде феодальных отношений в весьма малой степени могло помочь изживанию родовых и племенных взаиморазличий, так как, с одной стороны, бывший свойственным феодальной эпохе низкий уровень сельскохозяйственной техники и полунатуральный по преимуществу тип хозяйства лишь крайне слабо способство-

вали укреплению экономических связей отдельных племен между собой, а что касается феодально эксплуататорской верхушки, то для нее закрепление в своих интересах некоторых норм родовой системы являлось, помимо того, весьма удобным средством усиления своей власти над эксплуатируемой массой. Таким образом, мы вместе с Е. Штейнбергом (см. его „Очерки по истории Туркмении“, М.—Л. 1934) должны признать, что „даже после оседания (не говоря уже о кочевых районах) мы наблюдаем все ту же племенную и родовую раздробленность, постоянную кровавую рознь между отдельными родами и племенами, полное отсутствие какого-бы то ни было национального сознания и национальной общности у отдельных племен“.

В значительно большей степени оказало свое влияние на взаимосближение туркменских племен и их диалектов развитие в среде туркмен товарно-денежных отношений, особенно усилившееся после включения территории современной Туркмении в сферу влияния русского торгово-финансового капитала и, в частности, после проведения Средне-Азиатской железной дороги. Потребность мирового рынка в текстильном сырье стимулировала невиданное до тех пор в Средней Азии расширение посевных площадей, занятых культурой хлопка, следствием чего явился окончательный переход целого ряда районов Туркмении (в первую очередь центральных) от натуральной и полунатуральной форм хозяйства к товарно-денежному типу. Рост товарно-денежных отношений в данный исторический период особенно ярко иллюстрируется следующей таблицей, заимствуемой нами из книги проф. Н. Немченко: „Динамика туркменского крестьянского хозяйства“ (Полторацк-Ашхабад, 1926):

Таким образом, „за 20 лет ввоз хлеба увеличился в 23 раза, железа—в 5 раз и мануфактуры—в 3 раза; вывоз же хлопка увеличился в 14 раз, шерсти—в 6 раз и кож—в 3 раза“.

Огромное расширение товарно-денежного обмена в сочетании с выгодным положением центральных районов Туркмении на основных торговых путях, соединяющих, с одной стороны, Кавказ и Среднюю Азию, а с другой стороны, Иран и Хорезм, способствовало значительной унификации туркменских племенных диалектов именно в этих районах. Мы видим поэтому, что диалекты текинцев, гокленов и салыров успели во многом сблизиться друг с другом (в особенности это касается усеченной формы настоящего времени и широко распространен-

Ввоз и вывоз товаров по данным Средне-Азиатской жел. дор.

	1890	1900	1905	1911	1914
ВВОЗ					
Хлеб и продов. прод. . .	59 000	410 639	604 516	1 345 793	1 095 551
Железо	38 000	53 877	80 798	244 304	186 819
Мануфактура	59 000	44 703	114 403	183 069	178 236
ВЫВОЗ					
Хлопок	103 000	83 954	307 066	1 005 335	1 402 586
Сушен. фрукты	39 000	248 747	149 048	666 870	474 397
Шерсть	181 000	50 724	341 894	209 908	922 835
Кож	14 000	26 444	21 853	34 429	44 551

ных в разговорной речи населения этих районов ассимилированных и стяженных форм), в то время как диалекты йомудов, в большинстве оставшихся кочевниками, и эрсаринцев, подчинявшихся Бухаре и потому бывших (до нацразмежевания) не втянутыми или мало втянутыми в клубок новых социально-хозяйственных отношений, сохранили сравнительно много специфических отличных черт и тем самым в известной мере обособились от центральных диалектов.

Эпоха царизма не могла все-же стать фактором окончательного слияния туркменских диалектов в единый язык, так как, с одной стороны, агенты русского империализма всячески старались в своих интересах консервировать в среде туркмен отжившие феодально-родовые отношения и, в частности, поддерживать и разжигать межплеменную рознь, с другой стороны, влияние новых товарно-денежных отношений распространялось преимущественно лишь на центральные оседлые районы, экономически тяготеющие к железной дороге; экономика же кочевых районов оставалась в значительной степени изолированной от действия новых факторов, вследствие чего, напр., в песках до недавних еще лет имела хождение не русская, а зарубежная иранская денежная валюта.

Великая Октябрьская революция навсегда освободившая трудящихся Туркмении от гнета как „своих“, так и пришлых эксплуататоров, явилась историческим рубежом, положившим предел господству в среде туркмен пережитков феодально-родового строя. Земельно-водная реформа, коллективизация, ликвидация кулачества как класса, индустриализация сельского хозяйства, бурное развитие промышленности и связанный с ним численный рост молодого туркменского пролетариата, невиданный ранее подъем материального благосостояния и культурного уровня широких трудящихся масс, включение хозяйства Туркмении в единую социалистическую экономику Советского Союза и т. д. и т. д. все это, вместе взятое, явилось могучим толчком к консолидации туркмен в единую нацию, к стиранию племенных и родовых различий и противоречий и взаимосближению туркменских диалектов. Как показывают результаты недавно проведенного (XI 1935—I 1936) экспедиционного обследования разговорной речи туркменского пролетариата и передовой части колхозников, процесс унификации диалектов во всетуркменском масштабе вполне ясно наметился и идет вперед довольно быстрыми шагами.

Классовые враги трудящихся всячески пытались и пытаются помешать этому неизбежному историческому процессу, то защищая во имя „самобытности“ туркменского народа необходимость консервации феодально-родовых отношений, то подменяя дело создания единой туркменской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, исключительной ориентацией на язык и культуру отдельных племен. Такого рода ориентация абсолютно неприемлема по соображениям как политического характера, так и методологического, поскольку игнорирование отдельных диалектов не только лишило бы науку ряда ценнейших материалов, но и явилось бы тормозом быстрого развития литературного языка на базе учета и всестороннего использования всех богатств живой речи трудящихся масс. Поэтому углубленное научное исследование существующих туркменских диалектов является одной из актуальнейших задач языкового строительства в Туркмении.

Планомерное изучение туркменских диалектов во всем их объеме потребует коренного пересмотра и уточнения ныне принятых в науке методов лингвистической географии в их применении к туркменскому языку, так как в отличие от западно-

европейских народов, давно уже ведущих малоподвижную оседлую жизнь, туркменские племена (даже после оседания на землю) на протяжении известного нам исторического отрезка времени неоднократно меняли свое место жительства. Так, например, племя гокленов, обитавшее в начале XIX века на территории Ирана в бассейне рек Атрека и Гюргена, вскоре после 1836 года эмигрировало в значительной своей части в Хиву (Хорезм), а оттуда переселилось в середине прошлого века снова на юг в пределы нынешнего Каракалинского района и за-рубежный Иран; обитателями Мервского оазиса до 50-ых годов прошлого столетия были не текинцы (живущие там сейчас), а сарыки; племя салыр в конце XVII столетия обитало на Ман-гишлаке, в начале XVIII века переселилось в Хорезм, а лет через десять после того перекочевало в бассейн Аму-Дарьи, к Чарджую, откуда большая часть его переселилась в 1884 г. в пределы нынешнего Серахского района и т. д. Таким образом, географическая карта в значительной мере теряет свое значение как база для изучения взаимоотношений туркменских диалектов и как средство прослеживания путей и законов движения фактов языка, зато на первое место выдвигается сравнение отдельных диалектов с попутным тщательным учетом социально экономического прошлого (а равно и миграций) соответствующих племенных и родовых групп населения.

IV. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТОВ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

История возникновения и развития туркменских диалектов представляет собой, к сожалению, ненаписанную еще пока страницу востоковедной науки. Поэтому мы вынуждены при изложении взаиморазличий отдельных диалектов ограничиваться синхроническим их описанием, лишь в заключительной части книги попытавшись на основании сравнения языковых фактов, присущих отдельным диалектам, определить основные тенденции развития форм словообразования и словоизменения.

Разговорные диалекты туркменского языка (особенно в части лексики) имеют много особенностей, выделяющих его из среды остальных тюркских языков, а поскольку „независимое своеобразие некоторых представителей турецкой речи“ происходит по мнению акад. Н. Я. Марра „от скрещения с первоначальными языками тех районов, где турки ныне являются массовым насе-

лением края" *), то поэтому углубленное изучение туркменских диалектов может несомненно явиться источником многих ценных данных для выяснения ряда темных мест истории народов Средней Азии.

Нам известна (и то лишь в самых общих, схематических чертах) история образования только письменного туркменского языка феодально-родовой эпохи. Было бы абсолютно неправильным ставить знак равенства между этим классовым мертвым языком и современной разговорной речью трудящихся масс Туркмении, но несомненно, что обзор элементов, из которых слагался старый письменный язык, может дать некоторые отправные точки и для гипотетического суждения о тех языках, в результате скрещения которых появились современные туркменские диалекты, и о последовательности самих скрещений.

Данные востоковедной науки позволяют с уверенностью утверждать, что старый туркменский письменный язык начал оформляться лишь в XV - XVII веках в результате скрещения в предшествовавшие столетия древнего западно-огузского языка с целым рядом других языков, наиболее важными из коих являлись: средне-азиатско-турецкий литературный язык Караханидо-Кашигарской эпохи (XI - XII в. в.) и Сырдарьино-Хорезмийской (XIII - XIV в. в.). Первые следы обособления письменного туркменского языка относятся еще к XIII - XIV векам; в литературных памятниках этого периода „Мухабетт-Намэ“ поэта Хорезми (XIV в.), „Му'ин-аль-мюрид“ (XIV в.), Хосров и Ширин и (предположительно) в „Кысса-и-Юсуф“ (XIII в.) появляются некоторые черты, свойственные именно туркменскому языку. Позднее (в XV - XVII веках) литературным языком Средней Азии становится язык чагатайский; и в этот как раз период начинает оформляться самостоятельный туркменский письменный язык (под сильным влиянием языка чагатайского). Памятниками этой эпохи, сохранившими в той или иной мере специфические черты туркменского языка, являются: книга Вефаи „Ровнак-уль-Ислам“ (XV в.) и отдельные туркмено-язычные тексты в „Родословной туркменов“ Абул-Гази-Бохадур-Хана (XVII в.), а также (предположительно) „Боз-оглан“ (XV в.). С вполне оформившимся письменным туркменским языком мы встречаемся лишь в XVIII и XIX столетиях; именно к этому периоду относятся произведения крупнейших туркменских поэтов феодально-родовой

*) „Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков“.

эпохи: Азади (XVIII в.), Махтум-Кули (XVIII в.), Сейиди (XVIII в.), Зелили (XVIII - XIX в.), Гаибиди (XVIII - XIX в.) и др. Из научным образом обработанных и комментированных памятников этой эпохи следует отметить изданную акад. А. Н. Самойловичем „Книгу рассказов о битвах текинцев“ Абду-с-Саттар-Казы (XIX в.). Формирование старого письменного языка и на данном этапе происходило также под влиянием чагатайского языка. ✓

Постоянные социально-экономические связи туркменов с Ираном обусловили вхождение в туркменский язык многочисленных ирано-язычных и арабских (проникавших обычно также по руслу иранской речи) словарных и отчасти формальных элементов. В разговорных же диалектах арабо-иранских заимствований встречается несравненно меньше.

Большинство крупных диалектов туркменского языка изучено экспедиционным путем. В основном, они могут быть подразделены на две неравных группы; к первой из них относятся все наиболее значительные диалекты (не считая ряда мелких), а именно: йомудский (западные районы ТССР и большая часть Ташаузского округа), текинский (центральная часть ТССР от Кизил-Арвата до Байрам-Али), гокленский (Кара-Калинский район), салырский (Серахский район и северная часть быв. Чарджуйского округа), сарыкский (Иолотанский и Тахта-Базарский районы) и эрсаринский (восточные районы ТССР, в пределах быв. Чарджуйского и Керкинского округов), ко второй же мы причисляем целый ряд многочисленных, но мелких диалектов полосы, пограничной с Ираном и с Узбекистаном (диалекты нохурли, анаули, хасарли, нерезим и мн. др.)*).

В отношении фонетического состава диалекты первой группы почти совершенно однородны. Что же касается губного сингармонизма, то в то время, как у йомудов и эрсаринцев он сравнительно слабо выражен, а в отдельных случаях и вовсе отсутствует, в остальных диалектах (особенно в гокленском и текинском) губной сингармонизм обычно распространяется на всю основу слова, а временами (при немногосложной основе) захватывает и словоизменительные аффиксы. То же самое можно сказать и относительно ассимиляции и выпадения звуков, нашедших наибольшее распространение в гокленском, текинском и салырском диалектах, в то время как в йомудском эти явления огра-

*) О диалектах туркменов, живущих за пределами ТССР (на Северном Кавказе и в Закавказьи, возле Астрахани, в Узбекистане и Таджикистане, в Афганистане, Иране, Малой Азии и Сирии) мы здесь не упоминаем.

ничены узкими рамками (диалекты эрсаринский и сарыкский являются в данном случае промежуточными). Не велики различия и в области лексики; во всяком случае, они не мешают взаимопониманию, ограничиваясь сравнительно немногочисленными группами слов, разных по корню.

Наиболее существенны взаимоотношения в области морфологии, особенно в форме настоящего времени глагола, а именно: в йомудском диалекте мы имеем форму „aljar—geljər“ (alja:r—geljə:r), иногда „geljar“, в текинском и салырском — „alja—geljə“ (alja:—geljə:), в гокленском — „alja—gelje“ (alja:—gelje:), в эрсаринском — „aljør—geljor“ (aljo:r—geljo:r), иногда „aljer—geljer“ (alje:r—gelje:r), в сарыкском — „alor—gelor“ (alo:r—gelo:r). В гокленском диалекте, кроме того, 1-е лицо множ. числа настоящего и неопределенного будущего времени оканчивается не на „s“ (как в остальных диалектах), а на „q“ — „k“ (alja:q—gelje:k; alər̄q—gel̄erik). Дательный падеж инфинитива в йомудском и текинском диалектах имеет форму „almağa—gelmäge“ (alma:qa—gelmə:ge), в то время как в других диалектах мы встречаем также форму „almana—gelmāne“ (alma:na—gelmā:ne) т. д.

Диалекты 2-й группы, представленные разговорной речью жителей нескольких пограничных с Ираном аулов (Маныш, Чукур-Кала, Хасар, Нохур и др.), а также диалектами мелких племен, живущих в долине Аму-Дарьи попеременно с эрсаринцами (буджак, эсги, нерезим и др.), стоят особняком от диалектов 1-й группы. Особенно много различий мы встречаем в диалектах пограничной с Ираном полосы. Так, например, конечное смычное „q—k“ в большинстве этих диалектов переходит в фрикативное „x“; вместо обычных в туркменском языке междузубных „s“ и „z“ появляются обыкновенные зубные звуки; наблюдается подчас (Маныш, Хасар) палатализация согласных (туркменскому языку вообще несвойственная), закон сингармонизма нередко оказывается нарушенным, например: „gelmaq“ (вм. gelmek) в ауле Нохур и „alməj“ (вм. almak) в ауле Маныш и т. п.

Особое внимание обращает на себя образование в этих диалектах формы настоящего времени от причастия на „a—e“, что сближает их, например, с диалектами узбекского языка (a'laməp—в ауле Хасар, a'laməp—в ауле Маныш, a'laməp—в ауле Нохур). Довольно значительны различия и в области лексики, причем большинство этих различий объясняется заимствованием

из соседящих языков; так, например, в ауле Маныш вместо общетуркменского „jaz“ (ja:z)—весна, говорят „bohar“ (boha:r), вместо „agac“—дерево—derəxt, вместо „gazan“ (qa:zan)—котел—sedəp и т. п.

V. ФОНЕТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ*)

Для системы туркменского вокализма особенно характерно чрезвычайно четкое различие отдельных звуков по количеству. В основном, можно отметить не менее трех степеней долготы. — Мы имеем в туркменском языке: 1) гласные обыкновенной долготы или краткие (напр., в словах: ver, jasar, tuca и т. п.); 2) гласные долгие (напр., „a“ в слове „saŋ“, „i“ в слове „girmek“, „u“ в слове „up“ и т. д.) и 3) гласные сверхкраткие или иррациональные (напр., „i“ в словах „bir, viz, vilen, menic“ и т. п.). Кроме того, в отдельных случаях иногда встречаются также гласные полудолгие (напр., „e“ в словах „der“ и „deri“), не выделяемые нами в отдельную группу, а рассматриваемые совместно с гласными обыкновенной долготы (краткими).

Произношение большинства туркменских долгих гласных имеет одну особенность, позволяющую рассматривать их как полифтонги. Величина раствора органов речи во время произнесения долгих „i, u“ непрерывно, но плавно уменьшается, между тем как при произнесении долгого „ə“ раствор рта вследствие [того, что нижняя челюсть, вместе с лежащим на ней неподвижно языком, опускается вниз] постепенно увеличивается. При произнесении долгих „b“ и „i“ уменьшения раствора рта не происходит, но зато язык не остается в одном и том же положении, а постепенно сближается с небом. Благодаря указанным особенностям артикуляции, отмеченные выше долгие звуки представляют собой не простой долгий звук (удлинение соответствующего краткого), а непрерывно изменяющийся; поэтому они должны быть рассматриваемы как полифтонги, т. е. как сложные гласные звуки, состоящие из ряда плавно переходящих один в другой простых гласных звуков. В некоторых отдельных случаях изменение артикуляции во время произнесения долгих звуков происходит не постепенно,

*) Заимствовано (в исправленном и дополненном виде) из № 1 журнала „Известия ГНИИ“ за 1935 год.

а более или менее резко, скачком, вследствие чего долгий звук превращается в комбинацию не многих, а только двух гласных звуков, т. е. в дифтонг. Так как различие между гласными и согласными сводится, главным образом, к различию в степени суженности прохода (в речевом аппарате) для фонационного тока воздуха, то поэтому при большом сближении губ между собой или при сильном приближении языка к переднему или среднему небу, вторая половина долгих „i, ь, y, u“ начинает акустически походить на согласные „j“ или „v“; в литературной орфографии это фонетическое явление находит себе отражение в том, что во многих случаях долгие звуки передаются комбинацией гласного с согласным: „ji“ (в слове „dijdi“), „uj“ (в слове „syjt“), „uv“ (в слове „suv“) и т. п. *).

Переходя теперь к систематическому обзору существующих в туркменском языке основных гласных звуков, мы должны отметить, что наиболее полно представлены гласные переднего ряда. Из числа переднерядных гласных верхнего подъема следует отметить негубное „i“ в трех видах: кратком (meni меня), долгом полифтонгическом (imek — i: mek — есть, кушать) и иррациональном (gelip — gelip — приди), а затем губное „u“ тоже в трех разновидностях: краткой (gy1 цветок), долгой полифтонгической (gyjc — gy: c — сила) и иррациональной (elip — elur — умерев). Туркменское краткое „u“ акустически напоминает в известной степени французское „u“, но имеет более заднюю артикуляцию.

Из звуков среднего ряда мы имеем в туркменском языке негубное „e“ — краткое (ber — дай!) и долгое (ge: r — придет), наряду с губным „ө“ тоже в краткой (gög — смотри, виждь) и долгой слегка полифтонгической (gö: r — могила) разновидностях.

Гласные переднего ряда и нижнего подъема известны нам только в негубном варианте, а именно: мы знаем краткое „э“ (şəhər — город, əkel — принеси, приведи!) и долгое полифтонгическое „ə:“ (wə: ş — пять).

Негубной краткий гласный „i“ в некоторых диалектах может иногда произноситься с подъемом, промежуточным между верхним и средним подъемами, и тогда начинает в акустическом отношении походить на звук „e“ (e); такого рода звук верхне-

*) Снимки с пальтограмм для долгих звуков „ь:“ и „i:“ опубликованы в моей книге „Фонетика туркменского языка“ (Ашхабад, 1936 г.).

среднего подъема слышится преимущественно в конечных открытых слогах слов и наиболее резко выражен в диалекте анаули (аул Маныш), где он даже переходит в произношении ряда представителей этого диалекта в обычное „e“ среднего подъема.

Из гласных передне-среднего ряда можно отметить только два негубных звука верхнего подъема. Один из них краткий и слышится чаще всего в открытых конечных слогах так называемых „твердых“ слов, заменяя в произношении орфографическое „ь“ (aldь — aldі взял); другой же звук — иррациональный и очень обычен в словах односложных закрытого типа, вроде „wi“ — один, „it“ — собака и т. п. Передне-среднерядное „i“ акустически напоминает английское „i“ в словах „pin“ и „bit“.

Негубные гласные среднего ряда тоже немногочисленны; мы встречаем здесь только три звука среднего подъема: обыкновенное „ь“ с артикуляцией более переднего характера, чем у русского „ы“ (jы год), долгое полифтонгическое „ь:“ (gьz — gь: z — девочка, дочь) и иррациональное (aьp — aьp — взял). Кроме того, существуют еще два губных гласных звука среднего ряда; один из них — верхнего подъема и является промежуточным между „u“ и „u“, другой же — среднего подъема и занимает середину между звуками „ө“ и „o“, но распространение как того, так и другого ограничено сравнительно узкими территориальными пределами (зарегистрированы пока только в Мервском районе).

Из негубных гласных заднего ряда можно указать только два звука нижнего подъема: краткое „a“ (daş — далекий, далеко) и долгое, слегка полифтонгическое „a“ (da: ş — камень); долгое „a:“ по своей артикуляции является звуком несколько более задним, чем краткое „a“. Губные гласные заднего ряда представлены в туркменском языке значительно полнее. Здесь мы видим звуки верхнего подъема: краткое „u“ (dur — стой) и долгое „u:“ полифтонгического характера (du: r — стоит; su: — вода и т. д.). Из звуков среднего подъема имеются краткое и долгое „o“ (ot — трава; o: t — огонь). Наконец, можем указать краткую и долгую разновидности в той или иной мере лабиализованного звука нижнего подъема „a⁰“. Последние два звука самостоятельного значения не имеют и зарегистрированы пока лишь в центральных районах Туркмении, где они могут иногда чередоваться с „o“ (напр., звук „o“, в слове „jo: q — нет“ произносится местами с нижним подъемом, переходя в „a⁰“ (ja⁰: q).

Наряду с приводимыми выше главными акустическими разновидностями гласных фонем есть еще ряд промежуточных звуков, самостоятельного значения не имеющих и нами не отмечаемых, вроде, напр., упоминаемого О. И. Шацкой звука промежуточного между „а“ и „б“ (а^б), звука промежуточного между „е“ и „э“ и т. п.

В области консонантизма особенно характерно для туркменского языка присутствие междузубных „s“ и „z“ (в других языках турецкой системы, за исключением башкирского, отсутствующих) и, в связи с этим, отсутствие обычных зубных „s“ и „z“ (зарегистрированных только в двух диалектах: анаули и хасар), наличие наряду с обыкновенными смычными „p, b, g“ соответствующих фрикативных звуков, распространенность среди большинства диалектов (за исключением главным образом йомудского) озвончения начального задненебного смычного „q“, переходящего в „q“, и почти повсеместное отсутствие зубно-губных звуков (в частности, „v“), заменяемых соответствующими губно-губными. В связи с широким распространением в разговорной речи туркменской трудящейся массы явлений ассимиляции звуков следует отметить еще присутствие во многих диалектах (особенно в эрсаринском и гокленском) комбинаторных звуков промежуточного типа „d^a, l^a“ и т. п., представляющих собою результат неполной ассимиляции. Заслуживают внимания также довольно обычные в ряде диалектов (особенно в текинском) полувзвонкие согласные типа „t^a“ или „p^a“. Слышатся они обычно в конце слов после долгого гласного звука (at—a:t^a—имя; jar—ja:p^a—арык и т. п.), а также в начале таких аффиксов, как аффиксы исходного и местного падежей и прошедшего времени глагола, при положении после глухого конечного согласного звука основы слова (kitapdan—kita:p^aan—из книги; daşda—da:ş^a—в камне; etdi—ett^ai—сделал и т. п.). Впрочем, степень этой озвонченности не везде и не всегда одинакова. По существу, в такого рода случаях мы имеем группу из двух взрывных звуков, разделенных краткой паузой: смычки, причем первый из них — звук имплозивный, а второй — эксплозивный. Поскольку вообще эксплозия смычных звуков выражена в туркменском языке очень резко, то, по моим наблюдениям, во многих случаях эксплозивный характер второго звука, следующего за акустически довольно отличным от него имплозивным, заставляет говорящих ошибочно принимать эксплозию согласного звука за его голосность.

Палатализация согласных звуков туркменскому языку в целом совершенно чужда и встречается как редкое исключение только в диалекте анаули (аулы Маныш, Чукур-Кала и др.) и в ауле Хасар (Каахкинского района). Лабиализация согласных звуков на практике (в той или иной, подчас почти неощутимой, мере) хотя и наблюдается, но никакой роли в различении слов по их значению не играет.

Переходя теперь к обзору согласных туркменского языка по их месту образования, отметим прежде всего, что из числа гортанных звуков имеется только одна фонема — фрикативное звонкое „h“ (подобное немецкому „h“) в словах типа „her“ — „каждый“, „şehet“ — „şəhət“ — город и т. п.). В начале некоторых немногочисленных слов перед гласной (напр., в слове „ine“ — „ine — вот“) слышится также гортанное придыхание (арабская хамза, белорусское „‘“ в словах „мо‘“, „не‘“ и т. д.), но оно в туркменском языке не является фонемой.

К задненебным согласным прежде всего относится глухое смычное „q“ (ak—aq — теки; ak—a:q — белый), в начале слов перед гласной в большинстве диалектов (за исключением, главным образом, йомудского) обычно переходящее в звонкое смычное „q“ (gaq—qa:r || qa:r — снег; gap—qa:p || qa:p — кровь). Озвонченность этого звука колеблется в довольно значительных пределах и, кроме того, имеет место далеко не во всех словах даже одного и того же диалекта. В словах интернациональных и арабо-персидских (особенно, если они не вполне освоены широкой массой) озвончение обычно отсутствует.

Глухое фрикативное задненебное „x“ мало свойственно туркменскому языку, а в тех диалектах, где оно встречается (главным образом, в диалекте гокленов и в мелких диалектах пограничной с Ираном полосы), чаще всего чередуется с обыкновенным гортанным „h“, не играя роли самостоятельной фонемы. Задненебное „x“ обычно слышится лишь в немногих словах арабского корня, вроде „вахы“ — „вахы:l“ — скупой, „сахь“ — „сахь:“ — щедрый и т. п. Наоборот, звонкое фрикативное „q“ (оно акустически подобно украинскому и белорусскому „г“, но имеет более заднюю артикуляцию) — звук чрезвычайно распространенный в туркменском языке (saga—sa:qa — дитя, ребенок; виг—vi:q — пар и т. п.). Если артикуляция звонкого смычного задненебного „q“ осложняется опусканием небной занавески, то мы получаем задненебный сонорный носовой звук „ң“, напоминающий английский звук „ng“ (в слове „ging“) с той разли-

пей, что английский звук имеет более переднюю артикуляцию. В начале слов носовое заднеязычное „п“ не встречается, но в середине и в конце слов очень обычно (тапа — мне, ады — а:ды — твоё имя).

Большинство заднеязычных согласных имеет соответствующие им среднеязычные, а именно: заднеязычным звукам „q, q, q“, соответствуют среднеязычные смычные „k“ (kəl — kə:l — озеро) и „g“ (gel — приди!) и фрикативное „g“ (egin — egin — плечо). Фрикативное среднеязычное „g“ обычно слышится при положении „g“ между гласными или между гласным и сонорным „r“ (gerek — надо, но: elegi — elegi — его сито) и в конце односложных слов после гласной (veg — veg — бек).

Русское среднеязычное „x“ в туркменском языке почти совершенно отсутствует (слышится иногда в языке интеллигенции при произношении вошедших в туркменский язык русских слов). Среднеязычный носовой сонорный звук „n“ (напоминающий французское „gn“ в слове „grogna“) наблюдается только в диалектах анаули и хасар.

Туркменское фрикативное звонкое „j“ (акустически подобное английскому „y“ в слове „yard“), слышимое в таких словах как „jer“ — земля, „aj“ — а: j — луна, месяц, и обычно квалифицируемое фонетистами как среднеязычный звук, мы условно относим к числу переднеязычных, так как его артикуляция по сравнению с артикуляцией упомянутого выше подлинно-среднеязычного фрикативного „g“ имеет более передний характер и поэтому помещение обоих этих звуков в одной и той же графе классификации не подчеркнуло бы вышеотмеченного различия в их артикуляции.

В некоторых диалектах (особенно в диалекте мервских теке) при произношении звука „j“ иногда наблюдается недостаточное приближение языка к переднему небу, вследствие чего этот звук может в таких случаях превращаться в неслоговое „i“.

Альвеолярные звуки представлены в туркменском языке наиболее полно. Наряду с обыкновенными „t“ (mata — материя), „d“ (ady — а: dy — его имя), „s“ (aş — плод) и „z“ (hazzyk — haz: ыq — ящерица*) мы встречаем также аффрикаты „с“ (caj — са: j — чай) и „с“ (caj — са: j — место пребывания, квартира, помещение). Альвеолярные в туркменском языке вообще относятся к числу корональных звуков, но местами (напр., в доли-

нах рек Атрека и Чандыря) иногда слышатся также дорсальные „с“ и „с“. Из числа альвеолярных сонорных нужно отметить дрожащее плавное „r“, произносимое как и в русском языке кончиком языка (aga — а: га — середина), а также — носовое „п“ (sep — ты; epe — мать; pağ — па: r — гранат).

Туркменское латеральное „l“ относится нами, в основном, к группе зубных звуков, но обычно при произношении этого звука кончик языка закрывает также и нижний край верхних альвеол. Туркменское „l“ (в отличие от русского „л“) — звук невеличкий и может в отношении „мягкости“ и „твёрдости“ произношения (в зависимости от артикуляции рядом стоящего звука) колебаться в довольно широких пределах: от мягкого французского „l“ в слове „île“ до твёрдого английского „l“ в слове „wall“.

Зубные „s“ и „z“ (русские „с“ и „з“) встречаются, как уже указывалось выше, только в диалектах нескольких пограничных с Ираном аулов, во всех же остальных диалектах слышатся междузубные „s“ (английское „th“ в слове „thin“) и „z“ (английское „th“ в слове „that“), напр.: sep — ты, az — а: z — мало и др.). Зубно-губные звуки „f“ и „v“ большинству туркменских диалектов также неизвестны; первый из них (по недостаточно проверенным данным) встречается лишь в говоре приатрекских йомудов, второй же — в диалекте аула Хасар.

Из губно-губных звуков, имеющих в туркменском языке, помимо обычных смычных „p“ (jar — закрой! per — перо, пух) и „b“ (veg — дай!), следует особо отметить фрикативные (произносимые при неплотно сжатых, вернее — тесно сближенных губах) „p“ и „b“. Слышатся эти фрикативные звуки чаще всего при положении „p“ и „b“ между гласными (ара — ара — старшая сестра; ова — о: ва — аул). От фрикативного „p“ следует четко отличать другой, акустически очень на него похожий, губно-губной звук „v“ (английское „w“), произносимый при напряженных, скрученных наподобие воронки губах (vatan — родина, hava — воздух, погода; av — а: v — охота). В заимствуемых из русского, персидского и других языков словах зубно-губные „f“ и „v“ обычно заменяются в туркменском произношении губно-губными „p“ (или „p“) и „v“. В заключение отметим ещё губно-губной сонорный носовой звук „m“, в артикуляционном отношении никаких особенностей не представляющий (men — я. tam — та: m — дом, комната).

*) Звук „z“ в коренных туркменских языках встречается крайне редко.

Почти все туркменские согласные (за исключением гортанного придыхания и смычного заднеязычного озвонченного „q“) могут быть не только краткими, но и долгими (с общеизвестными в таких случаях оговорками относительно артикуляции смычных звуков): *appa—a:n:a* — пятница; *tajjar—taj:a:ɾ* — готовый, *hatda—hät:a* — даже и т. д. *)

Суммируя все сказанное выше, можно констатировать, что основная масса главных туркменских диалектов (текинский, эрсаринский, йомудский, салырский, сарыкский и гокленский) в отношении своего фонетического состава различается крайне мало. Зато совершенно особняком стоит небольшая группа мелких диалектов, распространенных в пограничной с Ираном полосе (диалекты анаули, хасар и др.). Как мы видели выше, здесь местами встречаются простые зубные „s“ и „z“ (вместо обычных для туркменского языка междузубных), зубно-губной „v“ (вместо соответствующего ему губно-губного), имеется средне-небное „n“, наблюдается палатализация согласных (совершенно чуждая остальной массе туркменских диалектов) и т. д. Различия эти являются, очевидно, результатом скрещивания туркменских диалектов с языками народностей, живущих на территории Ирана. Изучение этих языков поэтому следует считать одной из необходимых предпосылок для успешного продолжения работ по выяснению ряда темных вопросов туркменской диалектологии **).

VI. ЯВЛЕНИЯ АССИМИЛЯЦИИ И ВЫПАДЕНИЯ ЗВУКОВ В ТУРКМЕНСКИХ ДИАЛЕКТАХ.

Одним из наиболее характерных отличий разговорной речи трудящихся масс Туркмении от письменного языка (как старого, так и современного) является обилие ассимилированных и стяженных форм.

Ассимиляция, иначе говоря, взаимоуподобление или взаи-

*) Кроме упомянутых выше звуков разговорной речи в туркменских междометиях, обращениях к животным и тому подобных словообразованиях встречаются также диффузные звуки (храп, прищелкивание, свист и т. п.), не включаемые нами в данный обзор. Некоторые из этих звуков употребляются в повседневном обиходе, напр.: прищелкивание боком языка — знак отрицания, причмокивание передней частью языка — знак сожаления или сочувствия и т. д.

**) Сводные таблицы фонетического состава туркменского языка опубликованы в моей книге: „Фонетика туркменского языка“ (Ашхабад, 1936 г.).

моприближение в артикуляционном отношении друг к другу звуков речи, имеет место обычно при присоединении к основе или корню слова аффиксов, а также при слитном произношении самостоятельных слов. В туркменском языке наибольшее распространение имеет прогрессивная ассимиляция, т. е. уподобление последующего звука звуку предшествующему, обратное же явление, называемое регрессивной ассимиляцией, встречается реже.

Виды ассимиляции звуков, свойственные туркменским диалектам.

Название раздела	Категория ассимиляции	Характер и направление звукового изменения (→ знак прогрессивной, ← знак регрессивной ассимиляции)	Примеры ассимилированных форм (диалект гокленов)	Примечание
А. Ассимиляция согласных с согласными	1. Ассимиляция по признаку безголосности	$d \rightarrow t (t^d)$	<i>jaqtɨ; ektɨm;</i> <i>jaqtɨp-tɨr; tut : ɨ;</i> <i>etekten; gɨ : kte</i>	Встречается повсемест.
		$b \rightarrow p (p^b)$	<i>yc ja : p-pa : ɾ</i> (<i>yc jar var</i>)	Повсемест.
		$\varsigma \rightarrow c$	<i>tapcaq</i>	Повсемест.
		$s \leftarrow z$	<i>gerkes : en</i>	
		$k \rightarrow g$	<i>cekkin</i>	
	2. Распространение назализации на соседний звук	$d \rightarrow n (d^n)$	<i>on-nɨ : rɨ (on dɨr);</i> <i>kimnen; on : on;</i> <i>ajland^nɨm</i>	Свойственно всем диалектам
		$b \rightarrow m$	<i>jazan-ma : (jazan var);</i> <i>min-mi : r-dɨr</i> (<i>myɨn bir dɨr</i>)	
		$l \rightarrow n (l^n)$	<i>jaman : ɨq; ojɨn : or;</i> <i>gyn : ɨr (д. теке)</i>	Свойственно, главным образом, центральным диалектам

Название раздела	Категория ассимиляции	Характер и направление звукового изменения (→ знак прогрессивной, ← знак регрессивной ассимиляции)	Примеры ассимилированных форм (диалект гокленов)	Примечание
		$n \leftarrow q$	catmaşq : ь (catmasъgъqъ)	
	3. Замена смычного звука фриктивным	$t \rightarrow s$	ys : unyn (ystinin)	
		$d \rightarrow z$	biz : e (biz-de); arqamъz : a	
		$s \rightarrow t$	sas : ar (satsan); bis : e (bitse)	
	4. Замена шумного звука сонорным, либо одного сонорного другим сонорным (более простым по своей артикуляции)	$l \leftarrow z$	velle (gözle)	
		$l \leftarrow r$	bêrel : e (bêrerier)	
		$l \leftarrow n$	baqal : ar (bakanlar) geliz : ere (gelinlere)	
	5. Замена одного согласного другим согласным, совершенно отличным от него по месту образования	$q \leftarrow p$	qajdъq-gelmez; qojuq-giden (gojъp giden); danъq-qojdъ (danъp gojdъ)	Повсемест.
		$k \leftarrow p$	i : nik-gel (inip gel) syryk-getirdim (syrip getirdim)	Повсемест.
	6. Сложная ассимиляция, сопровождаемая разложением аффрикатов „с“ и „ç“	$\check{c} \rightarrow [c] \rightarrow \check{s}$	qiz : qajazъm (guşçagazъm)	Повсемест.
		$(z \leftarrow [\check{s}] \leftarrow c) +$ $+ (\check{c} \rightarrow z)$	kiz : ik (kicişik)	
		$(\check{s} \leftarrow c) +$ $+ (d \rightarrow t)$	geşti (gecdi); aştım (acđım)	Повсемест.
		$(\check{s} \leftarrow c)$	gy : şli (gyjcli); a : şlъq (acлъk)	

Название раздела	Категория ассимиляции	Характер и направление звукового изменения (→ знак прогрессивной, ← знак регрессивной ассимиляции)	Примеры ассимилированных форм (диалект гокленов)	Примечание
Б. Ассимиляция гласных звуков	7. Палатальный сингармонизм	$a - e$ (→) $ь - i$ (→) (←) $a : - \check{e}$ (→) $\check{e} - a$	a : daña; Esene almaq; gelmek a : qъ; eřeg? jazdъq; geřdik bi-dere (bu dere) o : va : („ова“ в дат. пад.); enê	О явлениях палатального и губного сингармонизма ниже будет сказано более подробно
	8. Губной сингармонизм	$o - \check{e}$ (→) $u - y$ (→) $d \leftarrow t$	orto (orta); dyje (dyje); kølege (kølege) bulut (bulъt); eřdyđym vylud-ojna : r (vulъt ojnar) dê : rd-ajaqъ (dêrt ajagъ) qu : rd alđъ (gurt alđъ)	Повсемест.
В. Ассимиляция согласных звуков с гласными	9. Уподобление согласного звука гласному по признаку голосности (переход глухого согласного в звонкий)	$\check{c} \leftarrow c$ $q \leftarrow q$	aqaçъ; sanaça qoj (goj); qa : n (gan); qa : r (gar)	Повсемест. Диалекту йомудов не свойственно
	10. Уподобление согласного звука гласному по признаку длительности	$v \leftarrow [b] \leftarrow p$	arav-atъm (arap atъm) dy : vinde (dyjbінде; от слова dyjp)	Повсемест.

Название раздела	Категория ассимиляции	Характер и на- правление зву- кового измене- ния (→ знак про- грессивной, ← знак регрес- сивной ассими- ляции)	Примеры ассими- лированных форм (диалект гокленов)	Примечание
	(превращение смычных зву- ков в фрика- тивные), со- провождаемое попутным оз- вончением глухих согла- сных	$v \rightarrow \phi$	$vaqqa - \phi aqqa$	
		$q \rightarrow [q] \rightarrow \eta$	$alma - \eta oip$ ($alma - goip$); $jaqdy - qa : r$ ($jagdy - gar$); $iur - da - qac$ ($tur - da - gac$)	Повсемест.
		$\eta \leftarrow [q] \leftarrow q$	$oroq - orondo$ ($orak$ $oranda$); $qucoq - a\phi p$ ($gu\phi ak - a\phi p$); $a : \eta - e\phi ekli$ (ak $e\phi ekli$)	Повсемест.
		$k \rightarrow [g] \rightarrow g$	$e\phi ege$; $ge : ge$	Повсемест.
		$g \leftarrow [g] \leftarrow k$	$vejjig - eken$; $kejjig - a : vuna$	Повсемест.
Г. Ассимиляция глас- ных звуков с соглас- ными	11. Ассимиляция согласного с гласным по признаку палатальности	$q - k$ (→)	$ata\phi y - ge\phi erik$; $alma\phi - gelmek$	Повсемест.
	12. Ассимиляция по признаку палатальности	$\phi (i) \leftarrow a(e)$ (в соседстве с „j“)	$alm\phi ja : (almajar)$; $gelmi\phi a : (gelmej\phi r)$ [д. теке]	
		$i(\phi) \leftarrow i$ (в соседстве с заднеб- ными звуками)	$deid\phi n$ (почти $geid\phi n$); $enem\phi n$; $di : d\phi : m\phi n$ ($did\phi m\phi n$)	Повсемест.
	13. Ассимиляция по признаку палатальности	$o \leftarrow a$	$toy\phi on$ ($toy\phi an$); $jov\phi on$ ($jav\phi an$) (д. теке)	
		$a \leftarrow o$	$a : vo$ (ava)	

Наиболее заметный, бросающийся в глаза вид ассимиляции — палатальный сингармонизм — явление, безусловно почти всеобщее и распространяющееся на все слово целиком, вместе с его словообразовательными и словоизменительными аффиксами. Исключением являются лишь некоторые сильно иранизированные диалекты (в особенности, диалекты анаули и хасар), в которых палатальный сингармонизм бывает недостаточно выражен, а в отдельных словах и вовсе отсутствует. Так, например, в диалекте анаули (аул Маныш) мы встречаем следующие формы:

$m\phi n - gal\phi aq\phi m\phi n$ — я приду;
 $va : lalare$ — детям;
 $s\phi n - ox\phi ys\phi n$ — ты читаешь;
 $otum\phi j$ — садиться;
 $alm\phi le$ — надо взять и т. п.

Из особенностей палатального сингармонизма, свойственных живой речи, следует отметить:

а) переход среднерядного „b“ в конечных открытых слогах слов после всех согласных (за исключением заднебных и гортанных) в звук передне-среднего ряда ϕ , например: $ald\phi$ (почти $ald\phi$); $kita : \phi\phi$, $on\phi$ и т. п.;

б) переход переднерядного „i“ в непосредственном соседстве с заднебным „q“ в звук переднесреднего ряда „b“, например: $men\phi n$, $get\phi rd\phi n$, $gid\phi n$ и т. п.

Вследствие отмеченного в моей „Фонетике“ большого сходства артикуляции долгих полифтонгов „i:“ и „b:“ при присоединении аффиксов к односложным корням слов с этими полифтонгами могут наблюдаться колебания в выборе переднего или, наоборот, заднего типа произношения аффиксов; так, например: формы $d\phi : zdan$, $b : zdan$, $h\phi : l : a\phi$ и т. п. чередуются с формами $di : zden$, $i : zden$, $hi : l : e\phi$ и т. д.

Губной сингармонизм также — явление повсеместное и также, как и палатальный сингармонизм, в иранизированных пограничных диалектах в значительной степени деформирован.

В основной же массе остальных крупных диалектов в Туркмении он проводится довольно последовательно, но обычно бывает ограничен первыми 3—4 слогами, и поэтому при многосложной основе на словоизменительные аффиксы чаще всего вовсе не распространяется, например: $va\phi an - et\phi nlerimi - a\phi a : p - e\phi ejin$ (поведаю я, что стряслось над моей головой, д. теке).

Долгие гласные, следующие за кратким губным звуком, обычно не огубляются, например: otloma:na gitmek—уйти пастись, ызь:п—длинный, job:п—толстый и т. д.

Открытые конечные слоги слов (особенно в многосложных формах) чаще всего вовсе не огубляются: ejlerine—к его юртам, eji—его юрта; если же при немногосложной основе огубление все же имеет место, то оно обычно бывает ограничено гласными среднего подъема „о“ и „э“; губные-же гласные верхнего подъема „и“ и „у“ в открытых конечных слогах почти никогда не встречаются, поэтому довольно обычны формы „ejde“—в доме, дома, „ondo“—тогда, там, но совершенно неупотребительны формы „ely“, „gerdy“ и т. д., заменяемые в живой речи формами „eli“, „gerdi“ и т. д.

Явления ассимиляции звуков в целом (и в том числе явления губного сингармонизма) нередко оказывается тесно связанными с темпом речи: при экспедиционной записи постоянно отмечались случаи, что одно и то же лицо при свободном, непринужденном разговоре широко пользуется ассимилированными и стяженными формами, при переспрашивании же, когда ему приходится повторять более раздельно и медленно те же произнесенные им слова, упомянутые явления могут вовсе исчезать. Связь эта не случайна: внимательное изучение приведенных выше примеров ассимиляции звуков приводит нас к выводу, что во всех случаях без исключения результатом ассимиляции оказывается упрощение и облегчение произношения слов.

Еще в большей степени облегчает и ускоряет речь явление выпадения звуков и нередко сопутствующее ему стяжение кратких гласных в один долгий звук.

Наиболее часты следующие случаи выпадения:

а) „г“ в аффиксе настоящего времени (диалекты теке, салыр, гоклен), например: alja:—gelje:

б) „п“ в форме родительного падежа от имен с окончанием на гласный звук (диалекты теке, салыр, гоклен, нохурли), например: o:vaп (вм. овань), geci:п (вм. gecinin)

в) „г“ в аффиксе множественного числа (диалекты гоклен, нохурли, анаули), например: ogul:a (вместо ogyllar), a:damlа (вместо adamlar).

В диалекте теке выпадение „г“ в аффиксе множественного числа обычно наблюдается только в форме родительного падежа, например: a:damlа (вместо adamlarъ).

г) редуцированное „ь—i (u—y)“ в местоименных аффиксах при присоединении к ним аффиксов склонения, например: ja:n:a vardьm (вм. jаnъпа vardьm)—я пошел к нему.

Явления ассимиляции и выпадения звуков не представляют собой исключительной особенности какой-либо обособленной группы диалектов, но в той или иной мере свойственны всем диалектам туркменского языка без исключения. Различие заключается лишь в относительной распространенности и разнообразии соответствующих конкретных фактов. На первом месте по распространенности и упроченности явлений ассимиляции и выпадения звуков следует поставить группу центральных диалектов (гоклен, теке, салыр, вместе с рядом мелких иранизированных диалектов пограничной с Ираном полосы: анаули, нохурли и др.), в диалекте йомудов упомянутые явления представлены значительно слабее, в то время как диалекты эрсари и сарык следует считать в данном отношении как-бы промежуточными.

VII. ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ.

В туркменском литературном языке приняты следующие надежные аффиксы

ПАДЕЖИ	Аффиксы, употребляемые при словах:					
	С окончанием на согласный звук		С окончанием на гласный звук		С местоименным аффиксом 3-го л.	
	Для „твердых“ основ	Для „мягких“ основ	Для „твердых“ основ	Для „мягких“ основ	Для „твердых“ основ	Для „мягких“ основ
Именительный	—	—	—	—	—	—
Родительный	ьп	ip	ьп	ip	ьп	ip
Дательный	a	e	a (долгое)	e (долгое)	na	ne
Винительный	ь	i	пь	pi	пь	pi
Местный	da	de	da	de	nda	nde
Исходный	dan	den	dan	den	ndan	nden

При склонении все двухсложные и многосложные слова, а также односложные с долгой коренной гласной, оканчивающиеся на глухой звук „с, k (или q), p или t“, (за исключе-

нием недавно заимствованных или неосвоенных массой слов), озвончают этот звук в родительном, дательном и винительном падежах (aqaç—aqaçyñ—aqaça—aqaçy; elek—elegiñ—elege—elegi; kita:p—kita:byñ—kita:ba—kita:by; meret—merediñ—merede—meredi; at—a:dyñ—a:da—a:dy и т. д.).

Это правило вполне подтверждается наблюдениями над разговорной речью; следует лишь добавить, что звуки „р, к и қ“ не только озвончаются, но и становятся также фрикативными; слова же с окончанием на гласный звук удлиняют этот звук в родительном и винительном падежах, причем орфографическое „е“ переходит при этом в „э“ (например: ене—енэ:niñ—енэ:ni). Аффиксы дательного падежа „а“ (долгое) и „э“ (долгое) присоединяются к усеченной именной основе (лишенной конечного гласного звука) и являются по существу видоизменением конечного гласного звука этой основы (например: jaqşy—jaqşa:; geci—gecə:).

В соответствующих разговорных диалектах мы встречаем следующие отступления от этой схемы:

Родительный падеж.

Гласный звук аффиксов родительного падежа во всех диалектах без исключения редуцирован. В тех диалектах, где имеет место губной сингармонизм (см. выше), этот звук заметно огубляется.

Орфографическое „і“ в разговорном произношении под влиянием задненебной артикуляции звука „п“ заменяется как правило переднесредним „і“ или даже среднерядным „ь“ (при губном сингармонизме соответственно звуками „у“ или „у“), например: епешьñ өји, өјуñ daşь.

В словах с окончанием на гласный звук нередко наблюдается выпадение первых двух звуков аффикса, сокращающегося таким образом до однобуквенного состояния „п“ с одновременным удлинением в ряде диалектов конечного гласного звука основы, например: ова:п ва:qlağь, geci:п јуңи, dyjə:п gəzi (диалекты теке, гоклен, нохурли).

В диалектах анаули и хасар замечается замена задненебного „п“ средненебным „п“.

Дательный падеж.

В словах с окончанием на гласный звук в диалектах пограничной с Ираном полосы: анаули, хасар, нохурли употребите-

лен аффикс „jə (je)“, например: „vuloğ'ge:pə siq:ur:qa:la:jə gəldiler“ („они снова пришли в Чукур-Кала“ — диалект анаули); „xi:vejə get:i“ („уехал в Хиву“ — диалект нохурли).

Формы аффикса дательного падежа „qa—ge (qa—ke)“ современному разговорному туркменскому языку не свойственны и встречаются, главным образом, в произведениях фольклора и в устно передаваемых произведениях старой художественной литературы, являясь, очевидно, остатком бывшего некогда сильным чагатайского влияния.

Аффикс дательного падежа, подчиняясь губному притяжению, может принимать форму „o—ə“, например: a:vo-git:i (ушел на охоту), өјө-gi:rdi (вошел в юрту).

В диалекте эрсари „е“ среднего под'ема заменяется звуком „э“ нижнего под'ема, например: cələ syqtaq—выходить в степь.

Винительный падеж.

По отношению к винительному падежу остаются в силе замечания, сделанные выше относительно озвончения согласных и удлинения гласных звуков на конце основы слова.

Орфографическое „ь“ в разговорной речи после согласных со средне и переднеязычной артикуляцией переходит в звук переднесреднего ряда, например: at—конь, atь—коня; jo:ldaş—товарищ, jo:ldaşь—товарища.

В словах с местоименным аффиксом 3 л. (особенно при многосложной основе) нередко наблюдается усечение аффикса „пь—п“ до однобуквенного вида „п“: mi:veleriñ jaqşybyñ alja:lar (они берут лучшие из фруктов).

В диалекте анаули аффикс винительного падежа принимает форму „е“, не подчиняющуюся сингармонизму, например: тәп ву a:dame gəgəv kə:n:im — я видел этого человека.

Местный падеж.

Аффикс местного падежа может подчиняться губному притяжению (при немногосложных основах), принимая форму „do—də“, например: „өјдө“ — в доме, дома, „qimdo“ — в песках (диалект теке).

В диалекте нохурли вместо „de“ употребительна форма „də“, например: enedə — у матери.

В формах местного падежа от слов с местоименной приставкой 3 лица, а также от слов, оканчивающихся на носовой

согласный звук, наблюдается переход начального „d“ аффикса в „п“; явление это особенно распространено в диалекте нохурли: *məp səni ɕyɬmɤ do:p:a. gərdym* — я увидел тебя в красном халате. В остальных же диалектах (например, у йомудов) оно ограничено отдельными немногочисленными случаями.

Аналогичным образом можно отметить ассимиляцию „d“ со звуками „l, z, s“, особенно широко распространенную в диалекте гокленов: *ahal: (ahalda), viz:e (vizde), ɕaras:a (ɕarasda)* и т. д.

Исходный падеж.

Большинство замечаний, сделанных в отношении местного падежа, относится и к форме исходного падежа. Здесь мы встречаем и явления губного сингармонизма (*goldon, ejdən*), и ассимиляцию „d“ со звуками „l, z, s“ (*ahal:an, viz:en, ɕaras:an*).

Переход начального звука аффикса в „п“ после носовых согласных встречается в исходном падеже значительно чаще, чем в местном и свойственен почти всем диалектам (за исключением, главным образом, йомудского): *mən:en, icin:en, on:op, tɬip:op*.

Как в исходном, так и в местном падежах повсеместно наблюдается полное либо частичное оглушение начального „d“ в аффиксе при соединении его с основами, оканчивающимися на глухой согласный звук (*kita:pta || kita:pt^da — kita:ptan || || kita:pt^dan; erikte || erikt^de — erikten || erikt^den; ot:a || ott^da — ot:an || ott^dan*).

Множественное число.

Аффикс множественного числа „lar—ler“ может подчиняться губному сингармонизму, принимая форму „lor—lör“, например: *ɕul:or (gullar), ɕyl:ör (gyller)*.

Как упоминалось выше, конечное „r“ этого аффикса может в ряде диалектов (гоклен, салыр, нохурли, анаули, отчасти теке) выпадать.

Очень распространена ассимиляция начального „l“ в этом аффиксе с конечным носовым звуком основы слова, например: *ɕyn:ör (ɕynler), doɕon:or (doganlar)* и т. п.

VIII. ОСОБЕННОСТИ СПРЯЖЕНИЯ.

Наиболее яркие взаимоотношения диалектов связаны с формой настоящего времени глагола.

По способу образования этой формы туркменские диалекты могут быть разбиты на три группы:

а) диалекты, образующие основу настоящего времени глагола помощью акающей разновидности аффикса *ja:r—jə:r || || ja:—jə:* (сюда относятся диалекты йомуд, теке, гоклен и салыр);

б) диалекты, пользующиеся для образования настоящего времени окающим видом аффикса *jo:r || o:r* (диалекты эрсари и сарык);

в) диалекты, в которых образование формы настоящего времени аналогично образованию ее в узбекском языке: причастная форма на „a—e“ в сочетании со связкой (диалекты полосы пограничной с Ираном и Узбекистаном).

Если признать правильным мнение проф. Фоя о едином происхождении аффиксов *joɕ || oɕ* и *jaɕ—jəɕ || ja—jə*, то диалекты первой группы придется считать генетически приемственными диалектами второй группы; диалекты же 3-ей группы окажутся изолированными от диалектов первых двух групп, сближаясь в формальном отношении с диалектами юго-восточной группы тюркских языков.

Различия диалектов по способу образования формы настоящего времени могут быть наглядно иллюстрированы следующей таблицей.

Образование формы настоящего времени глагола в диалектах туркменского языка (формы, не характерные для данного диалекта и встречающиеся лишь как исключение из общего правила, выделены квадратными скобками).

Группы диалектов	Диалекты	Формальные элементы	Примеры
Группа I (акающая)	Йомуд	<i>ja:r — jə:r</i>	<i>aɕja:r — geɕjə:r</i>
	— „ —	[<i>jaɕ</i>]	[<i>aɕjaɕ — geɕjaɕ</i>]
	[эрсари]	[<i>je:r</i>]	[<i>aɕje:r — geɕje:r</i>]
	теке	<i>ja: — jə:</i>	<i>aɕja: — geɕjə:</i>
	салыр	<i>ja: — jə:</i>	<i>aɕja: — geɕjə:</i>
<i>ja:r — jə:r</i> (<i>ja: — jə:</i>)	гоклен	<i>ja: — je:</i>	<i>aɕja: — geɕje:</i>
	сакар	<i>je</i>	<i>aɕje — geɕje</i>

Группы диалектов	Диалекты	Формальные элементы	Примеры
Группа II (окающая) jo : r (o : r)	эрсари	jo : r	aljo : r — getjo : r
	сарык	o : r	alo : r — gelo : r
	нохурли	'a + di — 'e + di	a' ladi — bi' ladi
	анаули	'a + de — 'ə + de	a' lade — ba' rade
	хасар	'ə + dь	a' lə dь
Группа III 'a(e) — dьr(dir)	бүджак	'a(e) + də	a' lə də e
	эсги	'a(e) + dьr(dir)	a' lə dьr
	човдур	'ь : (i) + dьr dir	a' lь : dьr
	нерезим	'a — du	a' lə du
	[сарык]	[a(e) — du : r]	[bara — du : r]
	[салыр]	[..... — du : r]	[aldu : r — getdu : r]

При изменении формы настоящего времени по лицам обращают на себя внимание следующие особенности:

а) аффиксы 1-го лица „ьп—ip“ и „ьs—is“ в диалектах теке и салыр сокращаются до однобуквенного состояния, переходя в „п“ и „s“ (men alja : n — men geljə : n); то же явление наблюдается и в диалекте гокленов с той лишь разницей, что там личное окончание 1 л. множ. числа имеет форму „q—k“ (alja : q — gelje : k);

б) аффикс 2-го лица ед. числа „сьп—sip“ в центральных диалектах также обычно принимает однобуквенный вид „п“, например: sen alja : n — sen geljə : n; во множественном же числе часто встречается сокращение аффикса „сьпъз—sipiz“, переходящего в форму „пъз—piz“ (siz al'ja : nъz — siz gel'jə : piz).

в) показатель вопроса „ть—mi“ в центральных диалектах обычно сливается с показателем 2 лица в один общий показатель „тьп—miп“ — „тьпъз—miпiz“, например: sen al'ja : mьп? sen gel'jə : mьп?

г) личные окончания глагола в диалектах 3-ей группы обычно совпадают по форме с личными местоимениями; фонетические изменения незначительны и сводятся в основном к утрате личным местоимением самостоятельного ударения и подчинению его закону сингармонизма.

Изменение формы настоящего времени по лицам в диалек-

тах различных групп наглядно иллюстрируется следующей таблицей:

Спряжение формы настоящего времени глагола в диалектах туркменского языка.

Диалект йомудов:

Единственное число

Множественное число

1. men al'ja : rьп — men gel'jə : rin	1. viz al'ja : rьs — viz gel'jə : ris
2. sen al'ja : rьп — sen gel'jə : rsip	2. siz al'ja : rьпъз — siz gel'jə : rsipiz
3. ol al'j : r — ol geljə : r	3. olar al'ja : rlar — olar gel'jə : rler

По этому же образцу спрягается форма настоящего времени в диалектах эрсари и сарык с той лишь разницей, что аффикс „ja : r—jə : r“ соответственно заменяется аффиксами „jo : r“ и „o : r“.

Диалекты теке и салыр:

Ед. ч.

Мн. ч.

1. men alja : n — men geljə : n	1. viz alja : s — viz geljə : s
2. sen alja : n — sen geljə : n	2. siz al'j : nъz — siz gel'jə : nъz
3. ol alja : — ol geljə :	3. olor al'ja : [lar] — olor gel'jə : [ler]

По этому же образцу спрягается настоящее время глагола и в диалекте гокленов с тем лишь отличием, что вместо аффикса „jə :“ употребляется форма „je :“ и вместо личного окончания „s“ — окончание „q—k“. *)

Диалект нохурли:

Ед. ч.

Мн. ч.

1. a' ləman — bi' lemen	1. a' lə mьz — bi' le mьz
2. a' ləsan — bi' lesen	2. a' lə sьz — bi' le siz
3. a' lədi — bi' lədi	3. a' lə di — bi' lə di

Диалекты анаули и хасар:

Анаули

Хасар

Ед. ч.

Ед. ч.

1. a' lə mən	1. a' lə mən
2. a' lə sən	2. a' lə sən
3. a' lə de	3. a' lə dь

*) В диалектах этой группы аффикс отрицания „та—те“, ассимилируясь с „j“, переходит в „ть—mi“, напр.: ol 'a mь ja : (он не берет), ol 'gel mь jə : (он не приходит).

Мн. ч.

1. a'lamiz
2. a'lasiz
3. a'lade

Мн. ч.

1. a'ləmbz
2. a'ləsbz
3. a'lədb

Аффикс глагольного отрицания „та—ме“ в диалектах 3-ей группы заменяется аффиксом „mej“, не подчиняющимся закону сингармонизма, например:

- 'jazmejmen (я не пишу) — д. нохурли;
'turmejmen (я не встаю) — д. анаули;
'almejmen (я не беру) — д. хасар.

Образование полной формы неопределенного будущего времени в основной массе диалектов существенных отклонений от норм, принятых в грамматике литературного языка, не представляет. Напоминаем лишь, что в диалекте гокленов в 1 лице мн. числа употребителен аффикс „q—k“ вместо „bs—is“ или „s“, например: (a'larq—ge'lerik).

Особняком стоят лишь вышеупомянутые иранизированные диалекты пограничной полосы. В диалекте анаули эта форма вовсе отсутствует и форма настоящего времени является там одновременно и формой неопределенного будущего времени, например: gələn il mən kə:ta o'lamən (во'lamən) — в будущем году я стану большим (аул Маныш).

В диалектах нохурли и хасар личные окончания глагола в этой форме (как и в форме настоящего времени) приближаются к личным местоимениям, причем в диалекте хасар они (равно как и аффикс основы) не подчинены сингармонизму:

Нохурли

Ед. ч.

1. a'larman—ge'dermen
2. a'larsan—ge'dersen
3. alar—geder

Мн. ч.

1. a'larmbz—ge'dermiz
2. a'larsbz—ge'dersiz
3. alar—geder

Хасар

Ед. ч.

1. a'lərmən
2. a'lərsən
3. alər

Мн. ч.

1. a'lərməz
2. a'lərsəz
3. a'lərlər

В отрицательной форме неопределенного будущего времени точно также значительных отклонений от норм литературного языка не замечается. Следует отметить только нередко наблю-

даемое колебание в употреблении отрицательных основ на „mar—mer“ и „maz—mez“ во 2-ом лице ед. и множ.ч.

Иногда (например, у сарыков) замечается тенденция распространить употребление основы с аффиксом „mar—mer“ и на 3-ье лицо глагола: „joqorda jyldyz doqmar-mi?“ (разве на востоке не взойдет звезда?) и, наоборот, наблюдаются подчас (диалект хасар) употребление аффикса „maz—mez“ (→məz) в 1 лице: a'ləsməz—мы не возьмем.

Для иранизированных диалектов характерно стяжение отрицательного аффикса „mar—mer“, и оглушение конечного „z“ в аффиксе 3-го лица (→s), напр., в диалекте хасар мы встречаем формы:

Ед. ч.

1. alməm
2. almən
3. alməs

Мн. ч.

1. alməsməz
2. alməssəz
3. alməslər

В диалекте нохурли соответственно имеем:

Ед. ч.

1. alman—getmen
2. alman—getmen
3. almas—getmes

Мн. ч.

1. almax—getmex
2. almanəz—getmənz
3. almas—getmes

В центральных диалектах сокращенный вид отрицательной формы неопределенно-будущего времени употребителен только в 1 лице един. числа: alman — не возьму, gelmen — не приду.

Зато чрезвычайно широко и притом повсеместно распространено явление стяжения положительной формы этого-же времени с выпадением последнего согласного звука основы глагола и слиянием гласных основы и аффикса в один долгий звук; мы имеем, напр., формы:

a : r (=alar) — возьмет;

vo : r или vo : (=volor—volar) — будет, станет;

ge : r (=geler) — придет;

i : r (=ijer) — с'ест и т. д.

Часть этих форм обособилась в значении настоящего продолженного времени:

du : r — стоит;

geti : r — приносит;

jat : r — лежит.

Стяженные формы неопределенного будущего и настоящего времени могут спрягаться подобно остальным временным формам глагола, напр.:

Ед. ч.

1. 'ge:rin — я приду
2. 'ge:rsin — ты придешь
3. ge:r — он придет

Мн. ч.

1. 'ge:ris — мы придем
2. 'ge:rsiniz — вы придете
3. 'ge:rler — они придут.

Чрезвычайно любопытно и поучительно совершающееся на наших глазах возникновение новой временной формы глагола, а именно — неопределенного настоящего времени — из фразеологического оборота речи.

Так, например, в диалекте йомудов мы встречаем выражение „gelenim jo:q“ (б. „моего прихода нет“) — я не прихожу; в диалекте эрсари этот оборот речи принимает полустяженную форму: „gelem jo:q“ и, наконец, в группе центральных диалектов он превращается в самостоятельную временную форму глагола, изменяющуюся по лицам и числам, а именно:

Ед. ч.

1. men gelemo:q (gelema:q)
2. sen geleño:q (gelena:q)
3. ol geleno:q (gelena:q)

Мн. ч.

1. viz gelemzo:q (gelemza:q)
2. siz gelenzo:q (gelenza:q)
3. olor gele'no:qlar (gele'na:qlar)*

Образование прошедшего совершенного времени в большинстве диалектов особых отклонений от норм литературного языка не представляет. Надо лишь отметить довольно обыкновенную в центральных диалектах ассимиляцию начального „d“ аффикса прошедшего времени с конечными „n, l, z, s“ основы глагола: jan:ь (jandь), gel:i (geldi), jaz:ь (jazdь), kes:i (kesdi).

Общехарактерное для фонетики туркменского языка оглушение „d“ после глухих согласных основы и переход аффриката „с“ основы глагола в „ş“ при положении перед „d (t)“, вполне естественно, распространяются на форму прошедшего совершенного времени: jat:ь || jatt^dь (jatdь), geşti (gecdi) и т. д.

Для иранизированных же диалектов характерен ряд отклонений в образовании этой формы; там, напр., мы имеем:

В диалекте нохурли:

Ед. ч.

1. bil:im (=bildim)
2. bil:in
3. bil:i:

Мн. ч.

1. bil:ьх
2. bil:iniz
3. bil:i:

* Наряду с формами на „то:q, по:q, по:q“ и т. д. наблюдаются также формы с долгим „а:“ в показателе.

В диалекте анаули:

Ед. ч.

1. gə:ldim (=geldim)
2. gə:ldin
3. gə:ldə

Мн. ч.

1. gə:ldi:
2. gə:ldiniz
3. gə:ldə

В диалекте хасар:

Ед. ч.

1. aldy̆m
2. aldy̆n
3. aldy̆

Мн. ч.

1. aldy̆j
2. aldy̆n̆yz
3. aldy̆lar

В диалекте хасар аффикс отрицания в форме прошедшего времени не сингармонизируется, напр.: тәп 'almədy̆m, ыз 'almədy̆j.

Форма будущего категорического времени (вернее — причастие будущего времени) обычно образуется присоединением к основе глагола аффикса „çak—çek“: alçaq—gelçek.

Присутствие вставочного звука „а—е“ (например, geleçek) хотя и отмечается в отдельных случаях для диалекта теке, но вполне последовательно проводится только в диалекте анаули.

В диалекте нохурли существуют обе формы, напр.: „geccəx“ и „gedecəx“, причем они семантически дифференцированы: форма „gedecəx“ служит для обозначения неопределенности действия: „обязательно или непременно пойду“.

Причастная форма на „çaq—çek“ еще не в достаточной степени оформилась как личная временная форма глагола. Поэтому мы видим, напр., чередование форм „almaçaq—gelmeçek“ с формами „alçak də:l—gelçek də:l“; употребление ее в большинстве диалектов без личных окончаний (в диалекте теке наблюдается тенденция к употреблению этой формы во 2-ом лице с личными окончаниями „sıң—sın“ и „sıңyz—sınz“ напр., al'çaqsıң—gel'çek-sın, al'çaksıңyz—gel'çeksiniz).

Вполне оформлено это время глагола только в диалекте анаули:

Ед. ч.

1. gələ'çaqmən
2. ged'çaqsən
3. ala'çaqde

Мн. ч.

1. ox̆ja'çaqm̆yz
2. jata'çaqs̆yz
3. je:jə'çaqde

Общей для всех основных диалектов особенностью является переход конечного „с“ основы глагола, равно как и начального звука аффикса „çaq—çek“ в долгое „ş:“, например: iş:ek =icçek), aş:aq (=acçak), geş:ek (geccçek).

IX. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФОРМ СЛОВ В ДИАЛЕКТАХ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Сравнительное изучение туркменских диалектов позволяет сделать несколько обобщающих заключений относительно основных тенденций их развития.

Наиболее общей и универсальной тенденцией является стремление возможно более упростить и сократить звуковой состав отдельных слов, максимально облегчив их произношение; достигается это путем широкого применения ассимилированных и, в особенности, стяженных форм.

Получаемая путем употребления стяженных форм экономия языковых средств, обычно колеблется в средних пределах 15—30%, может в отдельных случаях достигать до 40% (ge:ɾ из geler; vo: из volar) и даже 50% (a:ɾ из alar; i:ɾ из ijer) звукового состава слова. Эта тенденция, будучи свойственной всем диалектам без исключения, выражена наименее резко в диалекте йомудов и наиболее полно — в диалектах центральной полосы (теке, салыр, гоклен).

В несомненной связи с упомянутой выше особенностью стоит также тенденция к превращению ряда самостоятельных слов сперва в служебные слова, затем в полуприставки и, наконец, в приставки или аффиксы.

Превращение самостоятельных слов в аффиксы совершается помощью ряда фонетических изменений (опять таки ассимиляции и выпадения звуков), тесно связанных с изменениями и смысловой стороны слова, так как здесь количественное изменение (сокращение полного слова до состояния однобуквенного аффикса) связано и с качественным изменением (превращением самостоятельного слова с материальным значением в формальную принадлежность, в словообразовательный или словоизменятельный аффикс).

Туркменский язык, подобно всем остальным языкам мира, подчиняется законам единого языкотворческого процесса. Учение же о единстве глоттогонического процесса акад. Н. Я. Марра вполне подтверждает высказанное нами положение, так как „префиксы и суффиксы — не морфологические функциональные части слова, а пережитки некогда самостоятельных слов“ (акад. Н. Я. Марр).

„Целые звуковые комплексы в речи рядом с их материальным значением как слов, напр., „рука“, „глаз“, „рот“, равно „небо“, означавшее одновременно и „голову“, имели другое как бы надстроечно-добавочное значение по функции обслужить увязку слов, именно члены тела оказались предложениями или послелогоми, многие наречия со значениями: „рука“ — „через“ (первоначально в роли „орудия“), равно „около“ „близ“, „глаз“ — „на виду“, вперед“, „рот“ — „на краю“, „у“, „небо“ (— „голова“) — „вверху“, „земля“ — „низ“ и т. д. и т. д. Впоследствии слова эти истерлись обратились в пережитки звука, точно символически означающие тот или иной предлог, послелог, наречие; эти же имена образуют падежные окончания, множественное число, целые части речи, как напр., „глагол“ (акад. Н. Я. Марр).

Превращение самостоятельных слов в аффиксы тесно связано с изменением типологии речи: от аморфно-синтетической к агглютинативной и далее (через агглютинативно-фузионную форму речи) к флективной.

„Возникновение местоимений это поворотный пункт в истории языка, начало новой эры морфологической, сначала агглютинативной, затем флективной на смену аморфной“, пишет акад. Н. Я. Марр („Яфетическая теория“, стр. 123—124).

Акад. И. И. Мещанинов, развивая высказанные акад. Н. Я. Марром положения, со своей стороны говорит, что „при анализе строя отдельных языков мы наблюдаем то полные прилепы агглютинации, то усечение их с функциональную перестройкою на выражение определенной грамматической категории (внешняя флексия) при наличии фонетического изменения внутри основы самого слова (внутренняя флексия)“. В отношении системы тюркских языков акад. И. И. Мещанинов считает возможным категорически утверждать, что эти языки „вырывают тенденцию к усечению своих полных прилеп до однобуквенного состояния, близкого к обслуживающей роли внешней флексии“. („Вопросы классификации языков в свете нового учения о языке“).

Крупнейший турколог Советского Союза акад. А. Н. Самойлович независимо от академиков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова еще в 1925 году пришел к аналогичным выводам. Указывая, что помимо „примеров перехода форм из глагольной категории в именную, имеются и более сложные случаи таких переходов,

свидетельствующие о том, что как нет резких, раз навсегда установленных и непреходимых граней между основами, послелогам, полупривставками, так нет таких граней и между частями речи: глаголами, частицами, именами. Искусственное установление подобных неподвижных граней при построении грамматики живого языка есть искажение действительности“.

Акад. А. Н. Самойлович на основании своих научных изысканий приходит вместе с акад. Н. Я. Марром к признанию возможности перехода языка из одной типологической стадии в другую. „Приставочному (т. е. агглютинативному — А. П.) строю в турецких и родственных им языках“, говорит акад. А. Н. Самойлович: „в весьма отдаленные, доисторические времена, предшествовал, повидимому, строй чисто синтаксический (т. е. аморфный — А. П.), при котором речь слагалась из одних основ слов, расположенных в строгом порядке: слова управляющие следовали за управляемыми. Переход от чисто синтаксического строя к более сложному синтаксическо-морфологическому приставочного характера подготовлялся, повидимому, тем, что некоторые особенно часто употребляемые управляющие слова-основы изолировались, приобретая все более и более формальное значение. Сначала некоторые самостоятельные основы превращались в полупослелог и послелог, затем эти послелог становились полупривставками и, наконец, последнее, утратив окончательно все признаки самостоятельности, делались приставками“ (или аффиксами — А. П.).*)

Материалы, находимые нами в туркменском языке и его диалектах, наглядным образом подтверждают сказанное выше. Здесь мы видим следующие основные последовательные ступени превращения самостоятельных слов в аффиксы:

а. Самостоятельное слово начинает употребляться в значении служебного слова, но фонетически не изменяется и может помимо новой своей функции попрежнему употребляться в своем основном материальном значении, принимать аффиксы словообразования и т. д., напр.: *tarap* — сторона, направление: *şehere tarap* — по направлению к городу (в значении послелога); *опьд тарарьпъ tutmak* — держать его сторону (са-

мост. слово); *опьд tarapdaгъ volmak* — стать его сторонником (самост. слово); *garşь* — противоположная сторона, юго-западная сторона горизонта: *kapitalizme garşь ськмак* — выступить против капитализма (в значении послелога); *garşьda bir dag gördim* — я на юго-западе увидел гору (самост. слово); *olarьд garşьlyгьndan gorkjar* — он боится их противодействия (самост. слово). К этой же категории относятся слова: *өң*, *oval* и др. им подобные.

б. Та или иная глагольная или именная форма начинает окончательно фиксироваться в значении служебного слова, фонетически продолжая сохранять свою самостоятельность, либо в отдельных случаях деформируясь вследствие утраты или изменения некоторых звуков, напр., *göre* (деепричастная форма от глагола *görmek* — видеть) — смотря по, по:

joldaş Geldijeвиң аьтмагьпа göre — по словам тов. Гельдиева; *ystinde* — на чем-нибудь (местный падеж от существительного — *yst* — верх): *stol ystinde kitap var* — на столе есть книга;

aşagьnda — под (местный падеж от существительного — *aşak* — низ, нижняя часть): *partija vajdagьпьд aşagьnda* — под знаменем партии;

аьгь — кроме, за исключением (усеченная деепричастная форма глагола *аьгьмак* — отделить, вместо — *аьгьр*): *senden аьгь hic kim gelmedi* — кроме тебя никто не пришел;

ile — вместе: *Sajat ile Hemra* — Саят и Хемра; связано через параллельные формы *vile* || *len* с полным словом *vilen*, имеющим в старых письменных источниках форму *vrilen* или *virilen*, т. е. генетически связанным в своем корне со словом „*bir*“ (один).

в. Служебное слово, деформируясь в фонетическом отношении (благодаря главным образом ассимиляции и выпадению звуков), окончательно видоизменяется и в семантическом отношении, превращаясь в формальную принадлежность, в аффикс; внешнее сходство с первоначальным словом все-же еще окончательно не утрачивается, но может быть установлено лишь путем сопоставления с промежуточными, пережиточно сохраняющимися формами; напр.: *са—се* (в выражениях *şonса*, *munса* и т. д.) происходит от слова *сак* — мера (А. Н. Самойлович); глагольный префикс „*э*“ в словах типа „*эkit*, *эвер*, *эkel*“ и т. д., произошел от деепричастной формы „*альр*“: *альр git* → *альк-git* || || *al-git* → *эkit*; *альр gel* → *альк-gel* → *эkel*; *альр-ber* → *al-ber* || *аль-ber* || *арбер* → *эвер*; личные окончания глаголов (произошли от соответствующих личных местоимений) и т. п.

г. Служебное слово или аффикс, совершенно видоизменив-

*) Как в этой, тем и в предыдущих цитатах из работ акад. Н. Я. Марра и акад. И. И. Мещанинова курсив принадлежит мне.

шись в фонетическом и семантическом отношениях, утрачивают всякую внешнюю связь с первоисточником, который может быть поэтому вскрыт лишь помощью палентологического анализа; сюда относятся, напр., все падежные окончания, большинство глагольных аффиксов и т. д. *)

Превращение самостоятельных слов в аффиксы, как упоминалось выше, осуществляется, главным образом, путем ассимиляции и выпадения звуков, что доказывается примерами: превращением личных местоимений „мен“ — „я“ и „biz“ — „мы“ в личные окончания глагола: „п“ и „s“ (подробности см. в книге А. П. Поцелуевского „Фонетика туркменского языка“, стр. 48-51); превращением самостоятельных глаголов „jatyг (jatur)“ и „jeter (jugur)“ в аффиксы настоящего времени „ja:r—jə:r“ и „jo:r“ (мнение проф. Фоя и акад. Корша, подтверждаемое акад. Самойловичем); стяжением деепричастной формы „альр“ в префикс „э“; переходом фразеологических оборотов речи типа „alapm jok, gelenim jok“ и т. п. в личную временную форму глагола: „alamok“ или „alamak, „gelemok“ или „gelemek“ и т. д. и т. д.

Во всех этих примерах наличие ассимиляции и особенно выпадения звуков является совершенно необходимым условием возникновения аффиксов.

Следующей чрезвычайно важной тенденцией туркменских диалектов является стремление к превращению агглютинативных прилеп в аффиксы флективного типа. Агглютинативная прилепа, как известно, характеризуется с внешней стороны своей фонетической самостоятельностью: не изменяясь или изменяясь лишь в узких рамках сингармонизма (палятального или же палятального и губного вместе взятых), она может быть легко присоединена к любой основе и также легко от нее отделена, не изменяя ее в фонетическом отношении или изменяя в самых узких пределах (напр., превращая глухой конечный звук слова в соответствующий ему звонкий); в семантическом отношении агглютинативная прилепа характеризуется своей однозначностью, однофункциональностью; так, напр., аффикс „lar—ler“ обычно является показателем только множественного числа, аффикс „dan—den“ — показателем только исходного падежа и т. п., в то время

как в языках флективного типа один и тот же аффикс является показателем нескольких грамматических категорий; так, напр., русский аффикс „ов“ в формах „домов, отцов, столов“ и т. д. обозначает одновременно и род (муж.), и падеж (родит.), и число (множеств.).

По ходячему представлению, широко распространенному не только в читающей массе, но даже в среде языковедов (сошлюсь хотя бы на составителей пособий по общему языкознанию проф. проф. Томсона, Поржезинского, Ушакова и др.), тюрко-татарские языки (а следовательно, и туркменский язык) являются классическим примером языков строго-агглютинативного типа.

Старый письменный туркменский язык феодально-родовой эпохи действительно строго и последовательно агглютинативен по своей типологии, но живая разговорная речь туркменской трудящейся массы успела уже довольно далеко отойти от норм строгой агглютинации.

Одним из первых симптомов начала разрушения строго-агглютинативного типа речи является нарушение фонетической и смысловой самостоятельности элементов слова. В таких примерах, как

jazyça:	— писателю (начало слова: jazyçь)
geçə:	— к о з е („ „ geçi)
jaqşa:	— хорошему („ „ jaqşь)
eleçik	— ситечко („ „ elek)
tajaçyk	— палочка („ „ tajaq)
oqlь	— с ы н а („ „ oqyl)
ornь	— его место („ „ orn)
iştım	— я выпил („ „ ic)
aş:aq	— открою („ „ ac) и т. д.

остающаяся после отъединения аффикса основа слова (jazyç, geç, jaqş, ele, taja, oql, orn, iş, aş и т. д.) уже не может существовать как самостоятельное целое.

Наоборот, в таких формах как:

oqlon:or	(= oqlanlar)	— мальчики, парни;
al:ь	(= aldy)	— в з я л;
gel:i	(= geldi)	— п р и ш е л;
on:a	(= onda)	— у него, там;
men:e	(= mende)	— у меня и т. д.,

*) Пример палентологического анализа аффикса множественности „ar—er“ дает проф. А. Р. Зифельдт—Симумяги в своей работе „Тюркологические этюды“ („Известия АзГНИИ, том I, вып. 1, Баку, 1930).

начальный звук аффикса сливается с конечным звуком основы слова в один непрерывный долгий звук, таким образом фонетически спаиваясь с основой слова в одно целое. Если даже искусственно рассматривать получающиеся в результате ассимиляции подобные формы как простые разновидности исходных прилеп (т. е. рассматривать это явление как простое увеличение числа прилеп, не обращая внимания на их качественное различие), то придется все-же признать, что эти новые аффиксы нередко бывают лишены обычно присущей аффиксам агглютинативного типа семантической самостоятельности и определенности, т. к. они могут омонимически совпадать по форме с другими аффиксами, имеющими совершенно другую функцию; так, напр., аффиксы „*ly—li*“ и „*pa—pe*“ в формах „*ally*“ (*al:ly*) — он взял, „*gelli*“ (*gel:i*) — он пришел, *oppa* (*op:a*) — у него, *teppe* (*tep:e*) — у меня и т. д. совпадают по произношению с функционально-отличными от них аффиксами „*ly—li*“ и „*pa—pe*“ в формах: „*ovaly*“ — аульный житель, „*seherli*“ — горожанин, „*atasyna*“ — своему отцу, „*eçesine*“ — своей матери и т. д. и поэтому могут быть правильно осмыслены лишь в сочетании с соответствующей основой, т. е. здесь наблюдается спаянность этих элементов с основой слова не только в фонетическом, но и в семантическом отношении.

Наиболее резкое нарушение агглютинации, ведущее во многих случаях к возникновению аффиксов флективного типа, имеет место в тех случаях, когда к ассимиляции присоединяется выпадение звуков.

Значение усечения агглютинативных прилеп для их перехода в „однобуквенное состояние, близкое к обслуживающей роли внешней флексии“ отмечается и академиком И. И. Мещаниновым.

В туркменских диалектах мы находим много примеров того, как грамматические аффиксы, разлагаясь и окончательно деформируясь вследствие ассимиляции и, в особенности, выпадения звуков, сливаются в конце концов в один общий неразложимый показатель, выполняющий одновременно несколько функций, а это (т. е. многофункциональность) как раз именно и является характернейшим признаком флективности аффикса.

К языковым фактам подобного рода следует отнести: усеченную форму настоящего времени: *alja:p* — я беру, *alja:q* — ты

берешь, *alja* — он берет и т. д. (диалекты салыр и теке); форму неопределенного настоящего времени: *alamo:q* || *alama:q* (я не беру); *alapo:q* || *alapa:q* (ты не берешь); *alano:q* || *alana:q* (он не берет) и т. д. (группа центральных диалектов); форму неопределенного будущего (настояще-будущего) времени в диалекте аула Хасар: *almæt*, *alməp*, *alməs* и т. д. и т. д.

Приведенные выше аффиксы неразложимы в сознании говорящего на свои составные элементы, т. к. они, сократившись и тем самым деформировавшись, утратили звуковую и семантическую самостоятельность; так, напр., „*p*“ взятое изолированно, может быть и личным окончанием, и усеченным аффиксом винительного падежа, и добавочной согласной в падежных аффиксах для слов с окончанием на гласную, и аффиксом возвратного залога и т. д., изолированно взятое „*m*“ может быть местоименным притяжательным аффиксом, частицей отрицания, аффиксом отглагольного существительного; „*q*“ — может быть личным окончанием 2 л. ед. ч., личным окончанием 2 л. мн. ч. (в повелительной форме глагола), аффиксом родительного падежа, местоименным притяжательным аффиксом и т. д. „*o:q*“, как отдельно взятое целое, вообще немыслимо.

Таким образом, упомянутые сложные аффиксы могут осознаваться туркменской массой только как единое неразложимое многофункциональное целое; так, напр., аффикс „*amo:q*“ (в форме „*alamo:q*“) является одновременно показателем времени (неопр. наст. вр.), лица (1 л.), числа (ед. ч.) и, вдобавок ко всему, — отрицания. То-же самое можно сказать и в отношении остальных вышеприведенных аффиксов.

В живой речи нередко случаи, когда вследствие ассимиляции и выпадения звуков не только в аффиксальной части слова, но и в его корне, происходит фузия, т. е. фонетическое взаимопроникновение аффикса и корня; напр., корень „*vol*“ и аффикс „*ag*“ через промежуточные формы *volag* — *volog* приходят к фузионной, т. е. фонетически слитной, неразложимой форме „*vo:ɣ*“ или даже „*vo:*“.

Сама по себе фузия представляет собой явление технического порядка, но в тех случаях, когда она начинает функционально обслуживать потребности различения и оттенения грамматических категорий, она может быть с полным основанием приравнена к внутренней флексии слова. Так, напр., во всех туркменских диалектах широко распространены следующие фузионные формы:

а:г от глагола al
 во:г — „ — vol
 ге:г — „ — gel
 ду:г — „ — dur
 и:г — „ — ij и т. п.

Во всех приведенных примерах слияние аффикса с корнем, сопровождающееся отпадением последнего согласного звука корня и слиянием гласных корня и аффикса в один долгий звук, функционально обслуживает потребность выражения краткой формы неопределенного будущего времени глагола и потому относится нами к внутренней флексии. *)

Таким образом, становится очевидным огромное значение явлений ассимиляции и выпадения звуков, как необходимого промежуточного этапа на пути перехода форм туркменского языка от агглютинативности к флективности.

Не следует только думать, что звуковые изменения сами по себе являются фактором развития языка. Акад. Н. Я. Марр говорит, что нет ни одного ныне формально учитываемого фонетического явления, которое не было-бы, в конечном счете, социально обусловленным. Точно также и все упомянутые нами фонетические явления несомненно обусловлены в своем возникновении и развитии конкретными причинами социально-экономического порядка. К сожалению, мы вынуждены воздержаться от анализа этих причин на страницах нашей книги, т.к. вообще изучение истории туркменского языка и его диалектов, а тем более в плане сопоставления развития форм туркменского языка с этапами развития социально-экономической формации туркменского народа, еще пока никем не предпринималось.

Кроме того, фонетические явления, о которых здесь идет речь (т. е. ассимиляция и выпадение звуков), не представляют собой специфической особенности одного туркменского языка, а в той или иной мере распространены и в других языках тюркской системы. Поэтому решать вопрос об их социально-экономической базе, оставаясь в рамках только Туркмении, невозможно.

*) В данном случае флексия представляет собой позднейшее явление результат ассимиляции и выпадения звуков. Но вообще внутренняя флексия (т. д. изменение звука основы слова) относится, как разъясняет акад. И. И. Мещанинов, к числу языковых явлений глубокой древности, быв используема в ту эпоху в заданиях семантики, т. е. изменения значения слова

TABLE DES MATIERES

	P.
Préface des éditeurs	5
Préface de l'auteur	7
I. Informations générales sur la langue turcomane	9
II. Sommaire de l'histoire de l'étude de la langue turcomane et de ses dialectes	12
III. Les dialectes turcomans en connexion du passé social et économique du peuple turcoman	21
IV. Caractéristique générale des dialectes de la langue turcomane	27
V. Composition phonétique de la langue turcomane et de ses dialectes	31
VI. Phénomènes de l'assimilation et de la chute des sons dans les dialectes turcomans	38
VII. Particularités de la déclinaison	45
VIII. Particularités de la conjugaison	48
IX. Tendances essentielles du développement des formes des mots dans les dialectes de la langue turcomane	56

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

От издательства и ЦКНА	5
От автора	7
I. Общие сведения о туркменском языке	9
II. Краткий очерк истории изучения туркменского языка и его диалектов	12
III. Туркменские диалекты в связи с социально-эко- номическим прошлым туркменского народа	21
IV. Общая характеристика диалектов туркменского языка	27
V. Фонетический состав туркменского языка и его диалектов	31
VI. Явления ассимиляции и выпадения звуков в турк- менских диалектах	38
VII. Особенности склонения	45
VIII. Особенности спряжения	48
IX. Основные тенденции развития форм слов в диа- лектах туркменского языка	56

Корректурa Автора

Техредактор О. Волянская

Рукопись сдана в производство 15/IV—1936 г. Подписано к печати

17/V—1936. Печатных листов 4¹/₈. Т-гиз № 1518. Туркменлит № 49.

Тираж 1000 экз. Заказ № 664.

Типография Наркомместпрома—Ашхабад.

